

ЛЮБОВЬ ПО
ПРАВИЛАМ
И БЕЗ ...

Алексей КОМОВ

ДИАЛОГИ

СО

СМЕРТЬЮ

Продюсерский центр
«Мульти Медиа»
2020 год

Мужской любовный роман

Алексей Комов

Диалоги со смертью

«Мульти Медиа»

2020

Комов А. К.

Диалоги со смертью / А. К. Комов — «Мульти Медиа»,
2020 — (Мужской любовный роман)

Любовь и смерть... Разве это можно совместить? И если смерть – то какая любовь? Но жизнь любит шутить. И дает главному герою всего за один день прожить целую жизнь. Потому что Смерть оставила ему жизни всего 24 часа. За эти часы главный герой вдруг понимает те вещи, которые оставались за рамками его сознания четыре десятка лет. Встречи и расставания, дружба против предательства... Но главное, что самым сложным оказались поиски души... Затерялась она в будничной суете. Да так, что и не поймешь – а есть ли она вообще? И, оказалось, что она на точке соприкосновения светлой любви и темной страсти. Стремление к светлому чувству и падение в черную страсть. А еще выяснилось, что можно полюбить и собственную смерть! Сложно? А вы полагаете, что наша жизнь проще?

© Комов А. К., 2020

© Мульти Медиа, 2020

Содержание

Глава 1. День накануне. Примерно 22.30	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Комов

Диалоги со смертью

*Моя последняя любовь
По прозвищу Смерть*

(из рок-композиции группы «Воскресенье»)

Глава 1. День накануне. Примерно 22.30

Нельзя разговаривать с той, которой нет

*Жизнь – это большой сюрприз. Я не понимаю, почему бы смерти
не стать не меньшим.*

Владимир Набоков

– Кто, кто? – переспрашиваю я, совершенно ошарашенный.

... До меня действительно не дошло сразу, что ответила мне эта невесть откуда взявшаяся женщина.

Она в том возрасте, что называется – на грани молодости и женской зрелости. Тонкие аристократические черты лица. Темно-синее платье было на грани строгости и легкомыслия. Тембр голоса – чуть ниже обычного и шел, словно не из горла, а из груди.

В целом, это женщина класса Hi-task. В присутствии таких экземпляров любой мужик язык прикусывает и пытается поправить галстук, даже если его, галстука, никогда в жизни не носил. Поэтому, несмотря на достаточно молодое лицо, назвать её «девушкой» язык не поворачивался.

То, что такая женщина сама появляется в твоей собственной квартире, по-холостяцки не готовой к такому посещению, могло бы привести только в восторг.

Смущало только одно: а как она, собственно, появилась в моей квартире?

Чуть меньше двух часов назад я пришел домой, уставший, как черт. Самое противное, что усталость была не от напряженной работы, а как раз от бесплодной суеты... Это иссушает все душевные «батарейки».

Собрав в кулак оставшуюся жизненную энергию, выгулял Дворянина. Эта сумасшедшая помесь чау-чау и таксы. Не пугайтесь собаководы, шучу – обычная дворняга, результат романтической собачей любви... И моего давнего увлечения... (– Ах, милый, посмотри какое чудо! Он же мерзнет на улице. Давай возьмем, он будет с нами...)

«С нами» – не получилось. Девушка вскоре растворилась в моем прошлом. А вот чудо дворовой селекции осталось у меня).

Кроме усталости, по внутреннему состоянию, чувствовал я себя совершенно разбитым. Погода ли менялась, магнитные бури веяли над нами...

Вернувшись с собачьей прогулки, попробовал «поползть» по паутине. Зашел в пару газет... Ничего интересного... Игрушки давно перестали занимать... Сайт знакомств? Виртуальные романы исчерпали себя, как жанр... В «моих» группах «Одноклассников» народ привычно и вяло переругивался друг с другом. Остальные соцсети тоже не «фонтанировали»... Ничего захватывающего и возбуждавшего душу... Не в порнуху же залезать?

Выключил компьютер, прилег на диван и попробовал посмотреть телевизор.

Через десять минут «новостей» заснул.

Через двадцать пять – проснулся. Не без внешнего воздействия. Дворянин забился под диван и тихо подвывал. Поспишь тут!

Хотел было популярно объяснить этому продукту неконтролируемой эволюции, как себя надо вести, когда венец природы хочет расслабиться, уже потянулся к тапочку, чтоб запустить им в пса... как увидел её.

Гостья сидела в кресле и смотрела в так и не выключенный телевизор.

Там бодро рекламировали очередной напиток, который продлевал всем жизнь. Проверить это, разумеется, никто не сможет. Но звучит обещающе...

В первую секунду я подумал, что эта женщина мне снится. И то, что проснулся – тоже снится. На самом деле, я все также сплю. Это бывает, когда голова тяжелая. Сон принимаешь за явь. То есть, тебе снится, что ты проснулся, и уже началась реальная жизнь. На самом же деле все не так... Ты продолжаешь спать. Но сон становится тяжелым и вязким...

Но нет. Несмотря на все мои усилия, второй раз проснуться не удалось.

Значит женщина – это явь!

Но откуда взялась эта явь?

И, собственно, кто это?

Такой женщины за все мои сорок два года не было... Точно не было.

– А вы кто? – вопрос был глупым. Но это был хоть какой-то вопрос. Кому не нравится – придумайте вопрос умнее в такой ситуации сами!

– Я твоя смерть, – без обиняков заявила гостья.

До этого момента ситуация дурацкой.

Стала – идиотской!

Ничего лучшего, как переспросить, я не нашел.

– Кто, кто?

Женщина спокойно повторяет, произнося слова чуть медленнее, словно для дебила:

– Я ...твоя ...смерть. – снова она говорит совершенно бесстрастно и могильно спокойно.

– Типа заказного убийства? – я даже разозлился, и меня понесло. – Заговор и борьба за наследство? Но тогда вы ошиблись! Вы не в ту дверь вошли! Это к соседям напротив. В дверь из красного дерева. У меня наследство не такое, чтобы нанимать такого мастера, как вы! Впрочем, Дворянина можете забрать хоть сейчас. Это касается имущества. Общественно-социальное влияние мое заканчивается на мне самом. Так что с выполнением заказа вы явно не туда пришли... Проверьте адрес – еще можете успеть!

– Вы говорите не о том, – моя едкая ирония её ничуть не задевают – голос остаётся таким же спокойным и ровно-тихим. – Повторяю, я просто ваша смерть.

Тут я понимаю, что она не шутит. И никакой путаницы с адресами.

Оп-па! Дождался!

– Извините, – через некоторую паузу тихо произношу я. – Сейчас встану. А то как-то неудобно...

Я опять несу какую-то чушь. А что еще нести в моём положении?

– Как хотите. Но в общем, необходимости в этом нет. Вы хорошо лежите...

«...как живой», – мрачно пошутил я по себя и о себе. Но смеяться не хотелось.

– Вы пока еще живой, – отвечает она мне на мои мысли.

Умирать сейчас? Как-то это не ко времени...

Да, у меня сейчас не лучший период в жизни. У каждого бывает такие моменты, когда все неприятности сходятся в одну точку... Вот и у меня...

Во-первых, мне исполнилось месяц назад 42... Какой – никакой возраст. Хотя больших радостей по этому поводу я не испытал...

Олигархом стать не сподобился. Это второе... Шансов стать им, пожалуй, уже и нет.

Наоборот, на следующий день после моего сорокадвухлетнего некруглого юбилея, что, понятно, является неординарным событием в моей жизни и жизни всего коллектива, которое не могли пропустить коллеги, и на рабочем месте устроили соответствующее мероприятие, меня вызвал босс департамента. Прилизанный и гламурный двадцати трехлетний вундеркинд. Он буквально накануне окончил какую-то школу бизнеса то ли в Мюнхене, то ли в Манчестере, и по этому случаю был поставлен своим папашей (говорить, кто «наш папаша, думаю не надо») руководителем важного подразделения, в первую очередь, чтобы наводить у нас, неразумных азиатов, европейские порядки... Прививать цивилизацию... После очень политкорректной выволочки, который этот юное дарование мне устроило, объясняя ценности строгой производственной дисциплины, оно ожидал от меня покаяния... Не учел перспективный начальник, что у меня есть привычка – не каяться перед напыщенными павианами... И я, коренной азиат и варвар, прошедший еще советскую школу студенчества, не очень политкорректно объяснил, куда ему идти. И почему должность не дает профессионализма... Потом послал его... отнюдь не в Европу, развернулся и ушел... Даже заявление через секретаршу передал...

Жаль, конечно, работы... Когда-то хорошая конторка была. Делали всякие компьютерные анимашки... Еще совсем на полудохлых компах... Заказов хватало... Со временем разрослись... Деньги неплохие стали зарабатывать и для конторы, и себе на карман... Только с повышением денежных потоков творческая атмосфера – тихо испарилась.

Я еще пытался в своей группе что-то сохранить – ну как творчеством без куража заниматься... Удавалось до поры до времени... Но, вот, за все свои усилия получил в подарок расчет и полную свободу...

Вообще-то думал, что с моей профессией и опытом, перейти куда-то еще, проблем не будет... Тем более, опыт есть. Уже увольняли. И ничего, поменял профессию... Покатило. И сейчас с моим опытом в разных сферах – выпутаюсь.

Но загад – не бывает богат!

Да, опыт, да, знания... Но главного я не учел. Оказалось, что я уже старый... После сорока ты уже и не особо кому нужен... Не важно, что ты умеешь и знаешь, главное циферка в паспорте...

Друзья, потупив голос, сообщали, что готовы взять меня любого... и вот-вот, они будут расширяться... но сейчас... вот если немного... надо подождать...

И прочая бодяга...

Залез на сайты по трудоустройству... Но там либо мало оплачиваемая шелуха, либо очень скользкие предложения.

В общем, смена работы оказалось не таким простым мероприятием.

Поэтому и настроение – совсем не блестящее... Особенно, когда деньги начали переходить в двоичную систему, а часть холодильника можно сократить за ненужностью такого объема...

Приходили мысли и о бессмысленности такого существования... Чего скрывать – было... Но мало ли, чего не надумаешь от хандр... Серьезно-то счета с жизнью сводить не собирался...

И вот вдруг...

Может все-таки бред?

Я пробую незаметно ущипнуть себя...

– Ну перестаньте, что вы как маленький... – моя «гостья» все также говорит до мурашек на теле тихо и совершенно не эмоционально... Но в этой ровности бархатного голоса ощущается снисходительная усталость... – я не реальность... Но в то же время – я есть...

– Почему никто не говорил... Такого не бывает... – вновь попытался засомневаться я... Ох уж это привычка все время спорить. Даже в такой момент! Правильно, мама говорила: «До добра тебя язык твой не доведет». Мама права! Хотя сейчас какое это имеет значение?

«Гостья» не улыбается.

Просто посмотрела. Так же тихо ответила... вопросом:

– Вы со многими могли говорить о встречах со мной?

Мне слышится жесткая ирония в этом бесстрастном голосе...

И в эту секунду я испугался...

Такого страха я не испытывал никогда в жизни...

Уж хотя бы потому что понял, что больше уже не смогу испугаться... Все мое тело, каждый орган его, каждая клеточка, включая так и не долеченный зуб, просто завопили, что они не хотят прекращать свое бытие и превращаться в слизь, а потом – в прах!!!

Только после этого испуга мой мозг вдруг стал обреченно воспринимать происходящее, как последнюю данность...

И я взвился!

Почему мне надо сдаваться? В конце концов, я же не баран, которого можно за просто так вести не веревочки на убой!

– Но почему я? У меня все нормально со здоровьем... Никаких патологий... Вон Иваныч, со второго, по неделям из запоев не выходит, зимой дважды в сугробе ночевал... Как с гуся вода... У ребят с шестого бабуля третий год парализованная лежит... Под 90... И ничего... Почему я?!

– Теперь я понимаю, почему Вас с работы уволили...

– Ай, перестаньте... Ко мне, думаю, вы не из-за нарушение дисциплины и производственной этики пришли! Вы не ответили – почему?!

– У каждого своя судьба...

– Именно вы, вот такая, утонченно-элегантная ко всем приходите?

– Нет, у каждого своя смерть. А к некоторым не успеваем, – голос на этих словах, как мне показалось, стал грустным. – Они сами прощаются с жизнью. Война страшная вещь. Даже для смерти.

– Но сейчас не война!!! Я не на фронте!!! Или вот-вот произойдет какой-то взрыв, здание обрушится?

– Нет, не волнуйтесь. Ничего подобного не случится... Ни с кем...

– ... Кроме меня...

– Да...

– Но почему сегодня!!! Я не хочу... Я не готов...

– А это плохо... Ходили бы вы в церковь... Даже не веря... Всё попроще было бы.

– Вам-то не все равно?

– Лучше, когда человек готов к своему концу... Душа его находится в гармонии с бытием...

И тут мне показался, что есть хоть какой-то шанс...

– А я не готов! Не готов!!!

Это был мой вопль... Потом, наступила тишина.

– Хорошо, – произносит она. И снова замолчала... Все внутри у меня сжимается в комочек, а слабая надежда, которую эта «дама» назвала душой, спряталась в далекий уголок сердца, надеясь, что там-то уж её не найдут, чтобы отделить от тела....

Повисает пауза. Только Дворник под диваном тихо и жалобно продолжает поскуливать и скрести когтями о паркет. Мне эта пауза кажется очень долгой. Я давно не испытывал такого липкого страха. Наверное, еще что-то надо было говорить. Но я уже не могу. Страх залепил мне рот и приклеил язык к нёбу.

– Хорошо, – произносит она, наконец. – Я дам вам время... Сутки... Готовьтесь...

Я был поражен... Убедил?...!...?...!

Страх отпускает меня.

Тотчас появились вопросы. Не глобальные. Какая-то глупая бытовая мелочь:

Интересна, а как она уйдет?

И куда?

...Но этого я не увидел. Меня охватила слабость. Все тело, все органы, все его клеточки, который только что вопили о несогласии с их-моим концом вдруг расслабились разом. И даже скептически непокорный мозг потерял ясность восприятия окружающего.

Я погрузился в небытие... Такое же тяжелое и липкое, как весь этот вечер.

Но сейчас это был только сон...

Глава 2

В которой я понимаю, что разговаривать со своей смертью – это маразм

Человек – единственное животное, знающее, что его ожидает смерть, и единственное, которое сомневается в ее окончательности.
Уильям Хокинг

Что это было?

Не вечером... ночью...

Впрочем, казалось бы, поводов для беспокойства не должно быть: спал я хорошо.

Не просто хорошо, а замечательное.

Бывают сны, после которых чувствуешь себя совершенно разбитым. Уставшим, как будто за ночь разгрузил несколько вагонов заледеневших брёвен.

Бывают сны, после которых несколько дней ходишь, словно сон вошел в реальность и изменил её. И ты не можешь никак освободиться от этого ночного наваждения.

А есть сны – растворители. То есть, те, которые поглощают и уничтожают все плохое, что случилось с тобой за последнее время. Растворяют их в ночной тьме без остатка.

Вот у меня был такой замечательно расслабляющий сон.

Зато пробуждение таким не получилось...

Проснулся я мгновенно, словно кто-то нажал на выключатель... И мгновенно включился... нет, не свет – мозг...

Не было долгого утреннего мления, и постепенного вхождения в явь с приятными «потягучечками».

А был совершенно не понятный страх.

Подсознательный страх – а был ли это сон. Та странная женщина... Фантасмагорический разговор...

И проснулся ли я?

Хотя шум улицы и перебранку на улице я слышу... Как обычно, наша Василиса Петровна из ДЭЗа, учит уму разуму свою среднеазиатскую гвардию новомосковских дворников, популярно объясняя им основы столичных стандартов чистоты. С использованием привычного набора не совсем научных оборотов и терминов.

То есть, если бы я ... того... ну... Тогда вряд ли бы услышал...

Хотя, кто знает, что человек чувствует и ощущает, переступив грань...

Но я вроде все ощущаю...

Хотя, и это не факт... Не спросишь же, как у других... Не у кого...

Но вот, я понял, что напрасно испугался... Внизу живота я почувствовал томление с напряжением!!! Проще – хорошую утреннюю эрекцию...

Для незнакомых с медицинскими понятиями: мой организм мне ясно намекает, что у меня что-то давно не было женщины... А не плохо бы...

Этот факт меня очень радует (не отсутствие личной жизни, а проявление стремления к ней). У покойников уж точно ничего не стоит... Во всяком случае, я об этом не слышал...

Значит, точно жив!!!

Тогда глаза раскрываются сами. Я оказывается, просто боялся...

Совсем мозги за мозги зашли на пятом десятке!

Глаза открылись легко...

Странно, почему я только что не смог этого сделать сразу?

Может, испугался?

Испугался? Чего? Ночного бреда???

Ну конечно бреда... Начитался – насмотрелся всяких мистических ужастиков, детские кошмары из подсознания пришли – все это легло на издерганную нервную систему – и вот, пожалуйста.

Я с удовольствием потягиваюсь... Господи, как же хорошо жить!

– Гав... гав!

Это Дворянин... Он же Дворник... Намекает, что раз я не помер, пора его выгуливать...

Резонно!

...Одеяло слетело в сторону... Тапочки на месте... Телевизор включен... Новости идут...

Дворник, радостно лая, носится по комнате...

Нормальное утро началось.

«Заряжаю» кофеварку – пара ложек – достаточно... Больше вредно...

Вредно... Ха-ха... А если вчерашняя гостья не бред? И у меня остался всего день?

Чушь... Ну полная чушь... Забыть... Посмеяться и забыть... Такого не бывает... Смерть – в шикарном вечернем платье... Ха-ха...

Все-таки... кто сказал, что не бывает... ??? – опять эта мысль коварно лезла в голову...

Подумав, я насыпал еще две ложки кофе... В конце концов, не цианистый калий... Заливаю воду и нажимаю клавишу включения. Кофеварка урчит, словно читает заклинания. Ну пусть наворожит волшебный напиток!

Пока буду выгуливать Дворника, кофе и заварится. Да здравствует прогресс!

Кстати, о прогрессе – залезаю в морозильник и достаю четыре кусочка замороженного хлеба. Как полагается одинокому холостяку с разумным уровнем лени, я каждый день за буханками и батонами не бегаю. Раз в неделю хожу в магазин с хорошей пекарней, закупал самый вкусный хлеб всех цветов. Потом, дома нарезаю и замораживаю...

Пусть кому-то не нравится. У меня же всегда вкусные ломтики для бутербродов. А если хлеб еще в тостер бросить – просто блеск.

Приду – разморозятся. Останется только поджарить...

Помру, не помру – но от вкусного завтрака отказываться не след!

...Ну, вот опять... эти дурацкие мысли...

Нет... нет... нет... забыть... запретить себе думать об этом вчерашнем бреде... Не было ничего...

Все вроде приготовил, и можно идти на улицу... Есть определенные преимущества у безработного – не надо сломя голову ни свет, ни заря лететь в контору. Сам спокойно распределяй свое время.

Мы с Дворником выходим из подъезда.

Погода полностью соответствовала пограничным дням поздней осени, когда тепло уже окончательно ушло, а зима не слишком торопится.

Вроде не слишком холодно, небольшой плюсик еще остался, и ни дождя, ни снега... Все равно не уютно...

Порывы колюче-холодного ветра, сиротски корявые ветки, словно трещинки, расплзались по тяжелому потерто-серому небу с отвисшими бородавками облаков – все это давило и не наводило на жизнеутверждающие мысли...

Это Дворник радостно носится по еще зеленой, но уже мертвой после заморозков, траве. Незлобиво облаивает местных кошек, гоняет суетливо нахохлившихся воробьев.

Надо у него учиться наслаждаться жизнью...

Жизнью... Ну, ладно, черт с ним, со вчерашнем вечером... Что я сейчас вообще имею? В чем моя жизнь собственно заключается?

А ни в чем... Надо хоть с собой быть откровенным. Карьера не задалась. С моим характером далеко не поднимешься по служебной лестнице. Редкий начальник выдержит работника со своим мнением. Тем более, современные семейные «вундеркинды».

Я заметил, что многие руководители, вне зависимости от уровня занимаемого поста, с легкостью могут простить явные грехи подчиненного: любовь к спиртному, разгильдяйство, небрежность – но только не наличие самостоятельного мышления.

Вывод один – надо самому становиться большим начальником... Точнее, надо было. Сейчас – хоть куда-то надо устраиваться... Деньги на исходе.

Странно, но женщины, во всяком случае, в моей жизни, были похожи на начальников. Не в том смысле, что проявляли себя, как домашние диктаторы – этого по отношению к себе я не допускал. Скорее, по оценке происходящего. Успешен – любим! Что-то не сложилось – не получилось: до свидания! Расчет без выплаты выходного пособия. С этим я столкнулся и со своей женой. С последней (хотя и предыдущие мало чем отличались!). Увидев в очередной раз, что ни мульти олигархом, ни миллионером мне не стать грозит, при удобном случае, сослалась на то, что надо помочь матери, быстро собралась и тихо уехала пару лет назад к себе в Калугу. Некоторое время, правда, еще связывалась. Но в первую очередь интересовалась, не изменилось ли мое материальное положение. Сейчас и эти инспекционные проверки закончились. Да, надо отдать должное, за Москву она никогда не держалась. К оформлению отношений не стремилась. Отношения были до скучности равными. Как решила, что «кадр», то есть я перестал отвечать критериям, просто отошла в сторону. Тоже спокойно: без скандалов и пустых пачек валидола. С другой стороны, что рвать на себе волосы: женат не женат, и холост не холост...

Все по сегодняшней погоде...

Ум, ум... Раз не светит начальственная должность, надо учиться быть дураком... Льстивым дураком. Никаких проблем – карьера сама катит.

Дворник, вдруг увлекшись игрой, рванул к дороге.

– Стой! – кричу я ему совсем не уставную команду, и бегу за ним. Сейчас точно под машину попадет

Действительно, слышу пронзительный скрип покрышек, визг тормозов, приправленные отчаянным «криком» клаксона. Но не там, где носится пес, а сзади.

...спиной чувствую приближающуюся громадину лакированной груды металла на колесах. Дыхание перехватывает... Неужто вчера дамочка-смерть обманула? И нету у меня уже ни секунды на этом свете??? Все????!!!! Дышать я перестал...

Но вместо широкого бампера, в мою спину ударил густой и многоэтажный мат.

Я оборачиваюсь. Буквально в нескольких сантиметрах остановился «паркетник». Из окна высунулась голова его хозяина. Голова хорошо откормлена. Со всей своей хорошо откормленной энергией она выливает на меня все свои суждения, поминая и мою персону, и моих родственников, и родственников моих родственников с перечислением мест, куда мне со всей родней следует незамедлительно отправиться!

Будь у меня другое настроение, я бы, в свою очередь, объяснил этой отъевшейся физиономии, как надо ездить по дворам, с перечислением всех мест, где одновременно должна оказаться эта наглая физиономия в комплекте со своим городским джипером...

Этот орел еще не знает, всех оборотов, которые известны компьютерщикам, которые постоянно пасутся в Сети...

Но сейчас у меня было не то состояние... Я был растерян и потрясен.

– Извините! – буркаю я в ответ и, подняв воротник куртки, отхожу в сторону.

Это что, было? Знак? Сигнал? Предупреждение?

Откормленная физиономия из окна джипа еще что-то орала... Но звуки до меня доходят, словно сквозь стекло. Я оказываюсь в своем мире, где судорожно пытаюсь навести порядок в мыслях и ощущениях.

Стою на узеньком дворовом тротуаре. «Паркетник» рвёт с места, и для комплекта к мату, хозяина обдаёт меня сизым выхлопом из трубы.

«Ага, кольца-то на поршнях в двигателе уже накрылись» – мелькнула на задворках моего сознания злорадная мысль, но тут же бесследно пропала...

Меня потрясла это несостоявшаяся авария!

Что это было????

Глава 3

За день до смерти надо обязательно подумать о трудоустройстве!

*Признайся честно, Боже, это Ты подстроил?
Леша, 4 кл. «Дети пишут Богу».*

Может, хватит быть материалистом?
Давай попробуем поверить, что вчерашний вечер был не сном, а явью?
Я сейчас должен был оказаться под колесами... по всему выходило... но, как в кино... в
считанных сантиметрах эта грудка металла остановилась...
Случайно? Вариант...
Хотя и есть еще один – не попал под колёса, потому что вчерашняя
договоренность в силе?
Если так, то жить мне осталось...сейчас посмотрю на часы... она была где-то в районе
половины двенадцатого... часов четырнадцать!
Всего?
Раз это правда – что делать?
Помню, еще пятиклассниками мы с приятелями вдруг заговорили, что будем делать, если
узнаем, что сейчас умрем... Петька, тот сразу хотел взорвать ядерную бомбу, чтобы с ним
вместе полмира ушёл на тот свет ...
Кто-то из ребят решил объестся конфетами и мороженым...А я... а я не помню, что
сказал. Кажется, ничего... Промолчал.
Сейчас надо выбирать... И не промолчишь!
Но все же, может мистика...химеры... Наваждения от стрессов и прочее...?
Мой карман ударил по струнам и застучал ударными...
Мобильник.
Кто это с утра пораньше названивает?
– Алло...
– Олег Георгиевич? – стандартно-отстраненный голос был так же стандартно мало узна-
ваем. Да еще и по отчеству меня называет? Приятельницы всех уровней обычно по имени
обращались, если не прикалывались.
– Да, это я, – постарался ответить так же нейтрально-безэмоционально...
– Здравствуйте! Вас беспокоят из компании... – и официальный женский голос произ-
нес название, которое нормальный человек не то, что со слуха, а и с бумаги без разбега не
произнесет. Любят же у нас смесь французского с нижегородским и английского с верхнево-
лочковским!!!
– Слушаю вас внимательно, – в мой тон вкрались нотки вежливой, но сдерживаемой
радости. Ну, так сейчас принято, как мне объяснил приятель, который прошел, так же много
тренингов по современному менеджменту, как ветеран-наёмник военных авантюр. Точно знал,
что надо делать, чтобы завоевывать сердца потенциальных партнеров по бизнесу. Я тоже стал
автоматом использовать эти приемы, когда понимал, что звонок явно не от подружки...
– Вы присылали нам свое резюме... – я присылал? Им? Ну, да, было дело, пытался наивно
найти что-то приличное по сайтам поиска работы. Наотправлял куда ни попадя... Но отклика-
лись либо сетевики, либо какие-то явные проходимцы. Ничего подходящего...Вскоре бросил
это бесполезное занятие. И вот вдруг проснулись...?
– Было дело... – подтверждаю я.

– Наша фирма входит в международную группу, и мы сейчас набираем людей с опытом, как практической работы, так и навыками руководства. Вы же знаете языки?

– По-английски – более-менее прилично разговариваю... – честно вру я. Английский знал... Но когда-то... Как известно, без тренировки и любовью разучишься заниматься. А здесь язык. Но не сознаваться же в этой невинной неточности? На крайний случай, у меня очень образная жестикуляция и обаятельная улыбка. С минимальным набором английского словаря – для установления контактов вполне достаточно.

– Вот и прекрасно. Руководство нашей фирмы хотело бы с вами встретиться. Если вы действительно подойдете нам, то речь может пойти о том, чтобы вы взяли под свой контроль новое для нас направление в России. Начальная суммы вознаграждения скорее всего будет... – и тут она назвала цифры, от которых я мысленно поперхнулся... Это была зарплата несколько большая, чем получал мой бывший шеф... – Разумеется, – продолжает все тот же нейтрально-женский голос, но уже больше похожий на пение сирен, – соц. пакет, загранкомандировки...

– А куда командировки? – нагло спрашиваю я.

– Отделения нашей компании находятся в Южной Африке, Сингапуре, Бразилии... Восточная Европа, разумеется... Вас это может заинтересовать? – а голос вроде бы и знакомый... Розыгрыш? Не похоже. Повода нет. И такие штатные юмористы давно уже в прошлом остались.

– Да! – честно соглашаюсь я. И сдержанная радость была уже не наигранна.

– Тогда, вы сможете приехать к нам? Процедура обычная: сначала собеседование в соответствующем департаменте. Если все нормально – вас пригласят к одному из руководителей фирмы на встречу, – голос девушки я точно слышал. Но где? Точно могу сказать, что недавно...

– Конечно, а когда? – забыв на мгновение обо всех своих проблемах, спрашиваю я.

– Давайте сегодня, в пятнадцать. Наш офис расположен недалеко от метро «Улица 1905 года».

Улица 1905 года – это другой конец города. Ну, не совсем, конец, но не самый ближний свет. Хотя больших проблем в этом совершенно нет! В любой другой ситуации, я бы и не задумывался ни на секунду. Подумаешь: час-другой дороги за такими сладкими перспективами.

Но сейчас... Терять полдня на пустую мирскую суету?!

Отказываться тоже нельзя. Вдруг выживу? И все страшилки – мой ночной бред!

Я принимаю соломоново решение:

– Извините, сегодня у меня уже все расписано. Можно было бы завтра? Или в любой другой день, когда вам удобно.

– Хорошо, тогда завтра, в то же время, – после некоторой задумчивой паузы отвечает трубка. Девушка была все так же безукоризненно вежлива. Но мне почувствовались оттенки недовольства. Не привыкли получать отказы... Даже легкие.

– Спасибо. Завтра с утра, если вас не затруднит, еще раз созвонимся, чтобы подтвердить нашу встречу, – понимаю, здесь я с точки зрения потенциального работодателя совсем обнаглел и распоясался. Но как объяснить этой милой девушке, почему она должна позвонить мне завтра. Попытайся я что-то рассказать, вряд ли моя собеседница восприняла бы эту историю адекватно, не предприняв попытку позвонить в скорую психиатрическую помощь!

– Хорошо, позвоню, – вежливо-сухо согласилась она.

Пока мы не расстались, я решил проверить свои сомнения. Не в «лоб» разумеется, а опосредованно.

– Извините, пожалуйста, я в начале разговора не расслышал, с кем имею честь разговаривать?

– Нет, это мое упущение. Я не представилась. Меня зовут Ольга Брониславовна – руководитель департамента по кадрам фирмы. Всего вам доброго, – последней фразой она отрезала все возможности для дальнейшего прощупывания и разведки.

– Спасибо, до свидания! – мягко произнес я. Но мог бы не стараться. Последние мои слова «услышали» короткие гудки отбоя.

Ольга Брониславовна? Да, у меня в жизни Ольги были... Но вот Брониславовен – никогда. Точно, это не моя знакомая!

Но звонок не от секретарши какой или младшего помощника старшего менеджера, а сразу от руководителя кадрового управления(!) – о чем-то это говорит!

Мое самосознание и самоуважение резко поползло вверх!

...И тут же «уперлось» в естественный вопрос: а это что был за знак?

Глава 4

О том, что женщина возраста не имеет... как в одну, так и в другую сторону!

*Не подам я на развод,
Верьте иль не верьте.
А коли милый мой умрет —
Приревную к смерти!*

ЧАСТУШКА

Как же мало человеку надо, чтобы в голове случился полный кавардак.

И опять, те же вопросы:

Что есть моя жизнь на данный момент? Нормальное развитие событий у нормального вполне здорового человека.

Или остатки былой роскоши прошедших дней с обратным «счетчиком» вчерашней гостыи?

И посоветоваться не с кем... По любому, за идиота примут... Ну представьте, звонит вам приятель и говорит: «Вчера ко мне приходила смерть. Дала отсрочку на день. Что мне делать?» Каков будет ваш ответ на подобное обращение?

Да я сам, пусть это будет четырежды проверенный друг, подумал бы, что у него с головой – беда...

Совет, который напрашивается сам собой: «Пить меньше надо!» – выслушивать никакого желания нет.

Пусть все идет, как идет... Или бежит, как бежит.

Если ко мне должна подойти смерть – пусть идет... Или подбегает...

Но пока ко мне подбегал Дворянин. Он от души погонял воробьев, облаял пару соседских кошек, пометил всю свою территорию, оставив, очевидно, разные послания, как своим приятелям, так и непримиримым врагам...

Подробностей я не знал и не пытался узнать... Должна же быть своя личная жизнь и пса! Должна, но в меру... Пора домой.

– Двор – домой!

Мое чудо генного коктейля природы делает вид, что у него резко отключился слух и продолжал носиться по газону с пожухлой травой...

– Домой, кому сказал! – здесь я попытался призвать всю строгость, что помнилась мне с детства, когда мама из форточки пыталась меня загнать домой.

Дворянин понимает, что дальше можно «схлопотать» неприятности и сразу стал паинькой... Пятнистая мордаха выражает саму покорность и послушание.

Нет, на него невозможно было обижаться.

Вот позаботится – стоит. Я был бы последней свиньей, если не подумаю, а что с ним будет, если сбудется вчерашнее предсказание.

Понятно дело, что до европейских богачей, которые завещают своим четвероногим любимцам состояния, мне далеко. Не в Западных Европах обитаем. И состояния пока нет... Но это совершенно не значит, что я не собираюсь думать о его будущем!

Надо, чтобы он в любом случае был пристроенным.

Вариант есть. Замечательный!

Хотя... Еще полгода назад я бы не сомневался и не думал... Сейчас – надо взвесить... Сомнения к псу не имеют никакого отношения. Этот вариант для него лучший!

Сомнения относительно самого себя... Впрочем, чего мне сомневаться... уж ежели суждено, то нечего кокетничать. Делай и всё!

И я направляюсь к себе в подъезд. Но не к себе домой.

Нужно зайти к Светлячку. Ну, если официально к Свете, Светлане, Светланке.

Соседке.

Но с молодых ногтей я называл её Светлячком. Правда, эти молодые ногти еще не закончились у неё. Ей сейчас... подсчитаю... где-то 18. Точно... По сути, еще подросток... Ещё... Хотя, её милая мордашка... Да и остальное подросло... Угловатым подростком её никак не назовёшь. Глазками стреляет так, что о её анкетных данных заставляешь себя вспомнить. И то не сразу!

Только кавардака в голове, присущем возрасту хватает. Днями призналась, что страшно стесняется своего имени: «Какое-то банально-толповое. Фи!».

Но гордится своей грудью... Этого, она, разумеется, мне не говорила... Но и без слов понятно. Достаточно посмотреть на кофточки, которые носит. Да уж, что выросло, будем говорить честно, то выросло. И это в комплекте с глубокими темными глазами, соблазнительной фигуркой и стройными ножками. Убийственный коктейль не только для окружающих особей мужского рода, но и для неокрепшей девчоночьей головки, в которой уже роятся ковровые дорожки далеких загранич, вперемешку с брильянтами. Но при этом и хорошее воспитание сказывается. Она осталось очень добрым и отзывчивым человечком!

Меня устраивает, что в перерывах своих грез Светлячок помогает мне с Дворником. Любит она с ним возиться. Я пользуюсь этим, без зазрения совестит, когда мне надо отойти или отъехать куда! Это первая наша точка соприкосновения.

Вторая – посложнее. С моральной точки зрения. Во всяком случае, для меня...

Виновата во всем моя шутка. Накануне её дня рождения ляпнул! До этого момента у нас в целом были прекрасные отношения. Просто – великолепно приятельскими. Какими и могут быть у взрослого дяди с маленькой дочкой соседней. Но дело не только в разнице по годам. Разница в планетах. Мы жили в разных мирах жизненного опыта и главного восприятия действительности.

Вдруг эти разнонаправленные векторы пересеклись... В науке такого не бывает. В реальности – запросто!

Хватило одной фразы.

Пару лет назад как-то в конце зимы я в сумерках возвращался домой. Настроение, как сейчас помню, никакое. То есть ни хорошего, ни плохого. Назовем так – телевизионное. В смысле дойти до дома, включить телевизор – и с его помощью отключить мозги до утра!

У подъезда стоял немыслимый гвалт. Это Светланка со своей подружкой (как полагаются, мило-страшненьким мышонком) была окружена небольшой толпой малолетних воздыхателей. Других, способов обратить на себя внимание красивой девочки, как потолкаться-пощипаться-поорать, они, естественно, не знали. Но этими примитивными способами пользовались с избытком. Девчонки, естественно, возмущенно визжали, ругались, отбегали... но снова возвращались.

И вот, когда я почти подошел к двери подъезда, Светланка, в очередной раз, громко взвизгнув от «знака внимания» долговязого приятеля, бросилась в сторону. Наткнулась на меня. Я, инстинктивно придержал её, чтобы она свалилась... Получилось, что я приобнял её.

Но это сразу было не понятно.

– Ой, – радостно вскрикнула она, – дядя Олег! Приветики!

– Привет, если не шутишь, – я постарался попасть в её тон. – Ты все романы крутишь? Не много ли претендентов на твое расположение и внимание?

– Ну скажете тоже... Романы... С кем, с этими что ли? – она презрительно кивнула в сторону своей свиты. Стало ясно – этим ребятам в ближайшие лет семь на «высшую лигу» Светиново внимания рассчитывать не приходится. Про то, что часть внимания может принадлежать страшенькой подружке, Светланка не только не сказала, но и, судя по всему, даже не подумала.

– В кого влюбляться-то думаешь? Ужо пора! – съязвил я, не подозревая, что следующая фраза может многое изменить.

– Не поверите, дядя Олег, не в кого. Вьется всякое вокруг, а в сердце холод, – совсем не по-детски, а совершенно по взросло-бабски вздохнула она.

– Тяжела твоя девичья доля, – в тон «посочувствовал» я... – Один я выход вижу в этой ситуации...

– Это какой же? – она с любопытством подняла голову.

– В меня влюбиться, соседка, – пошутил я. На чем угодно могу поклясться – безо всякой задней мысли и тайного значения. Просто с языка сорвалось... Просто, да не очень! В ответ шутки не получил. Она, не отстраняясь, очень внимательно посмотрела на меня. И это был взгляд не девочки-соседки, а молодой женщины, всерьез воспринявшей слова взрослого мужчины, и обдумывающей варианты, нет, не ответа... Ответ у неё уже был готов. Обдумывала она уже варианты дальнейших действий. В эти мгновения глаза любой женщины становятся бездонными, обволакивающими. Сигнал от зрачков поступает не в мозг, а в подсознание... Если хотите: сразу к чувствам и инстинктам... Ни один нормальный мужчина от такого взгляда холодно-равнодушным не останется: обрадуется, разозлится, растеряется, но не равнодушным. Я вот растерялся... Не столько от самого взгляда, сколько от того, что смотрела на меня так девочка соседка, которую я совсем малюткой, беспомощным комочком помню... А тут...

В это момент, она еще теснее прижалась ко мне и сказала:

– Надо подумать... Может это вариант! – Света говорила почти тем же шутивым тоном, что и за секунду до этого. Но сейчас я услышал какие-то нарочитые нотки...

Она отстранилась и побежала к своим недоросшим поклонникам. Я направился домой.

Вот так ляпнул!

Хотя, потом ничего не было.

Внешне. Для всех окружающих.

Но не для меня.

Потому что, потом при встречах я замечал внимательные, не по детски изучающие взгляды... И по-детски много суеты, чтобы обратить на себя внимание...

Конечно, я знаю, что в это время у детей – гиперсексуальный возраст. И поэтому такое количество фанаток у всяких глянцево-целлулоидных поп-пупсов. Но здесь все было не так. Слишком взрослый взгляд...

Хотя, признаться по чести, я скоро стал использовать этот интерес в своих целях. Когда лень было выгуливать Дворники, звонил ей, и она с радостью соглашалась подменить меня. Пару раз не отказался от предложения принять её помощь в уборке моей берлоги...

Но твердо делал вид, что все её протяженные взгляды не замечаю. Хотя, когда временами шел в сопровождении женщин к себе домой, или, наоборот, поутру, провожал их, как-то подсознательно старался рассчитать так, чтобы не столкнуться со Светланкой. В последний раз, не получилось... Столкнулись в дверях... С этого момента меня демонстративно отправили в «игнор»!

В любой другой ситуации – и, слава Богу! Но сейчас, после вчерашнего вечера, надо застраховаться, и подумать, о том, что случится с псом, если обещание незнакомки сбудется...

Кто тогда позаботится о Дворнике. Не делать же его сиротой бездомной. Кроме Светки, как ни крути, поручить заботы о нем я не могу никому...

У неё сейчас, вроде, каникулы. Поэтому, должна быть дома с утра. А то, что ввалюсь рано... ну что здесь поделаешь, не могу я дожидаться протокольных 11 часов. Ситуация у меня не та. Простит, в конце концов... Хотя бы потом...

Поднимаюсь на лифте, на её 16 этаж.

Звонок перед дверью в тамбур. Нажимаю на третью кнопку сверху.

Дворник радостно повизгивает. Он-то уже понял, куда мы идем и доволен встречей со своей приятельницей, которая на него изливает всю ласку и внимание, предназначенные совсем другому...

Через секунд полной тишины раздается шум открывающийся квартирной двери и еще через тройку секунд щелкает замок тамбурной.

– Ой, дядь-Лежик... Здрасьти... – я разбудил её, точно. Но явно не до конца. Глаза её еще наполовину спят. Зато вторая половина мгновенно заискрилась радость, спросонок совсем не маскируемой. А «дядь-Лежик» – получилось от «дяди Олежика». Но, избавляясь от лишних букв – получилось такое сокращение для одного выдоха. Мне нравится. И очень напоминает, как когда-то меня называла девушка, которая перевернула мои мозги. Чем-то они были похожи эти две девчонки. Своим светлым женским началом?

– Ой, и мой любимый Дворнечек здесь!!!

Хвост у моего пса, казалось, отвалится от виляния.

Она наклоняется к поскуливающему от радости псу. Тот сразу попытается лизнуть свою приятельницу...

И в тот момент, когда она наклонилась, я понял, как она спала... В смысле, в чем... А точнее, ни в чем. Во всяком случае, в верхней половине. Никаких там маечек-пижамок наш Светлячок, оказывается, не признавала. В распахнувшемся разрезе шелкового халатика хорошо было видно все её тельце. Хотя, «тельце», это дань условности. Судя по сложению, плавности форм, да что там, вполне сложившейся и очень красивой груди, наша Светочка была уж точно, не дитем малым... Кожа её тоже – фантастически нежная, словно теплый и мягкий бело-розовый фарфор...

Такого не бывает, скажет дотошный филолог-буквоед! Его бы сейчас на мое место...

Вот этого я уже через несколько часов могу лишиться... Навечно...

Вдруг такая безысходная тоска у меня внутри разлилась. Тосковали, руки, волосы, глаза, ноги – все... Тоска по жизни, временами бестолковой и несправедливой, но такой чудесной, которая приносила вот такие чудесные мгновения простого созерцания тела юной прекрасной женщины...

А Светланка и не замечала моего взгляда в своей юной наивности...

Хотя...

Юной – это да. Но в наивности ли? Уж слишком нарочито она не замечала, что я рассматриваю её потаенные изгибы тела, и словно невзначай поворачивалась, играя с Дворником, словно хотела помочь увидеть, как можно больше...

Увидел. Не только её миленькое личико – уже вполне созревшей девушки...

– Ой, а чтой-то мы в дверях, – радостно говорит она, выпрямляясь. – Пошли в квартиру... Холодно. Уже не лето. Только у меня там кавардак... Ты извинишь, дядь-Лежик.

Она простодушно и совсем по-детски улыбнулась... Глаза её до наивности открыто лучились радостью, от того, что мы помирились, и больше не надо дуться... Да какая она взрослая девушка? Девчонка, есть девчонка! Напридумывал себе, сексуально озабоченный старый дурак. Ну, даже встав, она не запахнула, чуть разошедшийся халат. Просто она еще маленький наивный ребенок, который не понимает своей главной женской силы...

Или всё же понимает? И уже осознает, по своему изначально-природному женскому инстинкту, эффект «чувственной паутины женской привлекательности» (это я сам придумал такое определение!). Попробую объяснить: паук всегда чувствует, что в паутину попала

жертва. Пусть эта жертва велика по размеру и больше самого охотника в несколько раз – если нити не порвались сразу, охотник своего добьется. Может объяснение немного коряво, но примерно так могу объяснить логику женщину в любви. Кто-то способен сформулировать лучше?

Так, может, у нашего простодушного ангелочка, уже проснулось это подсознательное природное чувство?

Ай, чего я себя грузу? Мне только о Дворнике договориться надо. Дальше, как это ни печально, не мое дело... При любом исходе сегодняшнего дня...

– Дядь-Лежик, кофе будешь?

– Кофе? Ну, давай кофе...

Кофе у неё хорошо получался. Что отказываться от удовольствий жизни... Может быть последних?

Она упорхнула из коридора на кухню почти мгновенно. Дворник бросается за ней.

...И ножи у неё все-таки не по-детски стройные...

Стоп. Опять...?

О чем это я? Забудь. Она дочка моих друзей. Ладно, не друзей – приятелей, соседей. Разница, в принципе, не большая.

Я снимаю куртку, сбрасываю ботинки и сую нога в «гостевые тапочки».

– Ты в мою комнату заходи, – кричит она из кухни, словно увидев оттуда, что я остановился на домашнем распутье. Интересно, что было бы написано на камне, установи его здесь. Что произойдет, когда я повернул налево по коридору.

Захожу в её комнату. Комната, как комната юной аккуратной девочки. Порядок, со всякими девчоночьими завитушками. То тут, то там брошены милые девчоночьи мелочи. Только едва покрытая постель, словно еще хранящее тепло стройного тела, создавало какую-то интимно-волнующую атмосферу. Уж лучше бы сели в нейтральной гостиной. Но с хозяйкой спорить – последнее дело. Даже с юной.

С кухни потянуло ароматом волшебного напитка. Мне повезло, что у неё каникулы. В смысле, что Дворник в любом случае не останется без присмотра.

А, может, лучше было бы к вечеру зайти, когда все дома будут...

Хотя, если что, тратить последний вечер на посидушки с соседями? Не...не вариант...

И тут на меня нахлынуло ощущение тоскливого шока, который я почувствовал, когда понял и поверил, кто появившаяся в моей квартире незнакомка...

Запах кофе стал острее и приятней. Еще не начиная пить густой и горький напиток, я уже оказался под его пьяняще-возбуждающим действием.

– Ну вот, и готово! – Светланка выпархивает из кухни в своем коротко-распахивающемся халате, у которого, как показалось, было еще более игривое настроение, чем у хозяйки. Он распахивается то тут, то там, показывая какое красивое тельце он прикрывает. А то своим тонким шелком прижимался к стройному тельцу, делая его еще более удивительным и соблазнительным.

– ...вот печенюшки и сахар, – продолжает Светланка свою радостную суету. Она даже как-то по особенному раскраснелась. И её милое личико словно утреннее солнышко в середине июля согревало нежностью всё вокруг. – Можно я сами тебе положу сахар? Две ложечки?

– Три, – прохрипел я. Неожиданно голос у меня садится и из горла вырываются какие-то серо-сиплые звуки. Я откашливаюсь.

– Ты что, заболел? – заботливо и даже испуганно спрашивает она. Испуг совершенно искренний. Это меня приятно тронуло.

– Да нет, просто запершило, – смущенно оправдываюсь я.

– Ты только не болей, хорошо? – она усаживается напротив невысокого столика, где и стояли чашка с кофе, и все что к ней было принесено. Но устроилась она не в кресле, что

стояло с другой стороны столика, а присела на корточки напротив. Вроде так ей было удобнее помешивать сахар в моей чашке. Лучше бы она этого не делала.

Стоп, еще раз стоп! – для себя, похотливого болвана, повторю еще раз:

... это маленькая дочка соседей.

... ты её помнишь с детсадовских времен.

... она не понимает сама, что делает!

Вон, лучше посмотреть на своего смешного Дворника, который устроился рядом со своей приятельницей, и с обожанием поглядывал то на неё, то на меня!

Только на пса смотреть не получилось. Тогда я попытался уставить на дымящийся кофе в чашке...

Но и это у меня совсем не получалось...

Глава 5

Приравнивается ли грех к статье ук или совсем наоборот?

*Любите жизнь, покуда живы, меж ней и смертью
только миг.
А там не будет не крапивы, ни звезд, ни пепельниц,
ни книг.*

Самуил Маршак

Глаза мои перестали слушаться рассудительного разума и жадно, без зазрения совести уставились на красивое девичье тело, которое в таком положении, как она сидела, шелковый халатик и вовсе перестал скрывать.

Какие-то неведомые ученые объявили, что вид красивой женской груди повышает тонус мужчины в несколько раз. Они правы! Ну что, я женщин в жизни не видел? Да, самых разных! Красоты различной. В больших количествах.

Так почему же сейчас не могу глаз отвести от этого, едва сформировавшегося женского тела?

Да, так уж получилось, что женщины у меня давно не было... Но не настолько давно, чтобы уж совсем голову от инстинктов потерять. И не о том мне надо было бы сейчас заботиться!

О вечном пора задуматься, о вечном!

Если все вчерашние события случились наяву, а не явились плодом переутомленного воображения – я эти часы отмаливал, чтобы девочек подростков соблазнять?

Резонно! И очень правильно со всех требований нравственности и морали.

С другой стороны, не вообще девочек, а вполне конкретную. Это первое... А во-вторых, это каким образом я её соблазняю? Здесь правильнее говорить о соблазнах, и моей ну просто беспримерно героической борьбе с ними!

– Как хорошо, что мы помирились! – улыбаясь, промурлыкала она.

– Да мы вроде и не ругались... – замечаю я.

– Ну, все равно... здорово! – ничуть не смутившись, отвечает она. Ей точность была ни к чему. Она радуется тому, что происходит и своим ощущениям. И не скрывала этого!

– Конечно!

Она улыбается и, потянувшись, берёт мою руку своими ладошками. И потом, подняв её, прижимается к ней щекой. Как же её кожа действительно удивительно нежная! И как только что запах кофе, я особенно остро почувствовал это ни с чем не сравнимое тепло красоты.

– Можно я к тебе сяду? – она смелостью старается скрыть свое смущение. Словно домашний щенок, которому очень интересно войти в незнакомую комнату, но очень страшно. И тогда он идет, все время косясь назад, чтобы ежели что – броситься наутек.

– Давай, – соглашаюсь я, понимая, что делаю непроходимую глупость! Надо было сказать совсем другое!

Непроизвольно посмотрю вбок. Само кресло было достаточно узким, чтобы уместиться вдвоем. Перила, на одно из которых по моему разумению она собрались устроится, были узкими и неудобными.

Но, неожиданно для меня, оказывается, что она и не собиралась тесниться на маленьком креслице!

Вскочив, она тут же усаживается у меня на коленях. Я едва успеваю поставить чашку кофе.

– Не тяжело? – подчеркнуто с заботой спрашивает она.

Я замотал головой. Дыхание у меня перехватывает. Вот чего не ожидал от юной кокетки, того не ожидал!

Кажется, я совсем перестал понимать подрастающее женское население... Старость?

Ну, легкий халатик и абсолютное отсутствие смущения от того, что она едва одета еще можно объяснить наивностью полудетской невинности. Но сейчас надо быть самому наивным до идиотизма, чтобы принять и это действие за младенческий порыв...

Нет, конечно, она не первая девушка, которая оказалась у меня на коленях. Да я и сам с охотой сажал к себе наиболее достойных представительниц женской братии. Однако, сейчас почувствовал растерянность, словно впервые приобнял одноклассницу...

А Светланка и не собирается просто сидеть на моих коленках.

– Я ужасно тебе рада! – сказав это, она не только теснее прижимается, но её ручка обвивает мою шею. Глаза мои покрылись пеленой её пушистых волос. Совсем рядом оказалась её щека, её губы...

Морализатор и резонер внутри меня ошарашенно замолк...

Одной рукой я инстинктивно обнимаю её талию. А другая...ну куда деваться другой? – ложится на её коленку...

Светлячок глубоко вздохнула. И, мне показалось, что это был вздох облегчения. Словно в это момент она перешла черту принятия решения. И началось безоглядное действие.

Конечно, я не маленький мальчик, и прекрасно понимаю, что происходит. В подобных играх опыт есть...

Но в том-то и дело, что сейчас её действия не выстраивают игру. Нет осмысленных и проверенных женских штучек, что бы мужик голову потерял.

Это порыв почти бессознательной природной энергии, которая ищет выхода, чтобы выплеснуться и зажечь светом и радостью все вокруг. Так случилось, что этим выходом становлюсь я...

– У!!! ты колючий! – искренне удивляется Светланка, проведя ладошкой по моей щеке. Она впервые ласкает лицо взрослого мужчины, и обычная небритость становится для неё открытием... И это открытие сделало её еще более счастливой.

В эту секунду, я понимаю, что все прописные морали, которые всего минуту назад забивали мое сознание и были готовы к активной обороне, обрушились под напором этой светлой энергии жизни...

Я откидываю её волосы с лица и прижимаюсь к губам...

Тут меня ожидает еще одно открытие.

...Целоваться-то наша малышка уже умеет! Очень даже умеет!

Как быстро растут дети!

Вроде недавно под стол бегала, а сейчас целует так, что сознание тихо улетает в небытие!

– Ой, а ты, действительно, колючий! – оторвавшись от меня, выдыхает Светланка, улыбаясь.

Конечно, колючий. Не буду же я бриться, чтобы выгуливать Дворника.

Кстати, наш шумный приятель правильно оценил ситуацию и, тихо цокая когтями по паркету, отправился к коридору, где и заваливается подремать, положив голову на лапу... Понял чертяка, что сейчас людям как-то не до него...

– Извини, – бормочу я. Вот из-за этой щетины все испортил. Не буду же я мучить девочку, своими ласками «кактуса».

Кажется, моя нравственность устоит.

Пора подниматься и раскланиваться. Наверное, это к лучшему!

Но я ошибся. Светлячка это только развеселило. Она уже по-свойски усаживается у меня на коленях, словно это уже давно освоено и обжитое место, обвивает меня уже обеими руками, и сама тянется к моим губам. Да, воистину, как говорят украинцы: если что решил – то зым обязательно!

Я стараюсь быть осторожным, и ласкаю её одними губами.

Светланка уютно «завернулась» в мою руку, что обнимает её. У меня появилось ощущение, что прижимаю я не юное доверчивое тельце милой, но реальной девушки, а нечто эфемерное, светящееся каким-то внутреннем светом...

Другая моя рука гладит её стройную ножку... Светланка сама подвинула её так, чтобы мне было удобнее. Однако что-то меня останавливает... Моя рука доходила до кромки её халата, но я не решался преодолеть этот рубеж...

В какой-то момент Светланка оторвалась от моих губ, чуть повернулась, откинувшись назад...

...Она ждет моих ласк. И только ласк...

Но это были движения не искусственной в любви женщины, а подсознательные движения, подсказанные тем, что заключено было до этого момента в затаенных уголках её скрытой памяти, доставшейся от природного опыта и желания...

Я уже ласкаю все её тело... Но через шелк халата. И хотя он был тонюсеньким, все равно, словно, что-то важное и самое сокровенно скрывал от меня, не давая почувствовать ей целиком.

Откинуть халатик, я словно мальчишка... боюсь.

Может, стараюсь не спугнуть внезапно возникшую неслышимую, но удивительную мелодию, которую мы оба воспринимали не звуками, а через что-то необъяснимое, что заключено в нас, и открывающегося тогда, когда возникает настоящая близость двух существ.

Но и Светланка ощутила, что тонюсенький шелк стал барьером для её наслаждения. Она не раздумывает. Со смелостью юного существа, которая для себя все поняла, она решает проблему одним движением. Просто дергает за поясok халата и полы его мгновенно распахиваются, словно подчиняются безусловной силе желания. Это очаровательное и абсолютно нравственное бесстыдство невинности и юности...

Я прикасаюсь к телу...

Нет, это не просто ласка. Я словно приникаю к источнику жизненной энергии, живого тепла, находящегося здесь и сейчас, и одновременно в будущем.

Где-то там в далеком прошлом прошедших мгновений остались волнения и переживания, сомнения и печали, страх следующей минуты и ожидание совсем скорого неминуемого...

Вся эта энергетика с каждым движением руки входит в меня, наполняя все закоулки подсознания...

Светлячок тихо застонала. Она естественна, как солнечное ласковое тепло, как поток свежего ветра...

Мои пальцы ощущают ласковую бархатистость её кожи, упругость маленькой и очень красивой груди, призывное тепло лона...

Светланка полностью расслабилась и отдалась моим ласкам и своего желания.

Я могу так, держа её на коленях, ласкать её до бесконечность. И, честно говоря, большего мне и не нужно.

Но это мне...

Внезапно Светлячок встрепенулась, словно её душа вернулась из какого-то иного мира наслаждений в стройное тело. Легким движением отталкивает мою руку и встает в полный рост.

Берёт мою руку и делает шаг назад, потянув меня за собой. Она хочет, что б я встал.

Светланка не говорит ни слова, словно боясь разрушить ту хрустальную тишину наших желаний, которая уже заполнила всю комнату.

...Она хотела, чтобы я встал.

...Я встаю.

...Она одним движением плеч сбрасывает совершенно не нужный ей сейчас халат.

...Сделав шаг вперед, Светланка обнимает меня и крепко прижимается.

«Боже, как она выросла» – вдруг невпопад для этой минуты замечаю я, когда вижу, что она всего на голову ниже меня. Еще совсем недавно она крутилась у меня под ногами.

Правда, еще совсем недавно я и подумать не мог, что буду заниматься с ней любовью...

Я испугался, что моя грубая одежда поцарапает её нежную кожу...

Словно услышав меня, Светлячок вновь отстраняется от меня. Сейчас, для того чтобы снять эту грубую и ставшую лишней мою одежду...

Я сначала немного растерялся – не так часто женщины раздевали меня. Обычно происходило наоборот... Здесь же неопытная девушка вполне уверенно делает все что надо было бы сделать мне самому. Но при других обстоятельствах. Вот он – результат повсеместное раннего знакомства с эротикой и порно в сети и на видео. Наверное, моим ровесницам в такой же ситуации и в голову не могло прийти действовать так, как моя очаровательная соседка. Хотя, кто их знает, что в таком же возрасте им в голову приходило. Я тогда об этом не знал, и знать не мог...

И все же сейчас я чувствовал себя неудобно... Когда она стянула с меня футболку, инициативу по расставанию с нижней составляющей моего гардероба я все же взял на себя. Просто, чтобы ей не путаться и не возиться.

Мы стоим напротив друг друга в самом что ни на есть первозданном виде. Стоим, словно только что встретились друг с другом и пытаемся взаимно понять, а с кем свела судьба. Что удивительно так оно и есть. Мы должны открыть друг друга в совершенно ином качестве и виде...

Вдруг ловлю себя на мысли: я не знаю, что делать дальше?

Нет, естественно, что делать с женщиной, когда одежды на обоих нет, я знаю. И не плохо.

Но не в этот момент. Не в этой обстановке. Не с этой девушкой.

Пусть записные доны жуаны сколь угодно рассказывают о сверхспособностях и абсолютной уверенности в себе в любой ситуации. Живых мужиков, которые бы не испытывали волнения при первой встрече с женщиной я не встречал. Степень волнения может быть разной. Но вот в полное её отсутствие я не верю.

...Я смотрю на удивительное тело девочки-женщины, впитывал её удивительную свежесть и свет. Боюсь, что каким-нибудь неосторожным своим движением смогу разрушить эту ауру непорочной, но чувственной эротики.

Да мне и не хочется ничего больше делать. Я готов до бесконечности смотреть на Светлячка, лаская взглядом каждый изгиб её тела, одновременно впитывая энергию жизни, которой она просто лучилась...

Но у самой Светланки совсем иные намерения...

И она берёт инициативу в свои руки...

Вплотную подходит ко мне. Наши тела едва касаются друг друга... Она поднимает голову вверх и смотрит на меня...

Нет, мы не целовались губами. Это был поцелуй взглядов...

Её маленькие ладошки дотрагиваются до моей груди. Потом правая рука скользит вниз... Она обхватывает мое мужское достоинство.

Надо признаться, что любуясь ею я сильного сексуального возбуждения не испытывал (внешне, разумеется). Но сейчас, в момент прикосновения реакция была мгновенной и сильной. Ей даже пришлось отодвинуться в сторону.

– Ой, – вырывается у неё произвольный вскрик. Я понял, что эту часть мужского тела она впервые живьем держит в руках. И это явно отличается от того, что она видела в фильмах соответствующей тематики. В том, что с подобной продукцией масс-культуры она знакома – я ни на секунду не сомневался. Кто из современных ребят таких картинок – фильмов не видел? Про взрослых я и не говорю!

Но ласкает она меня осторожно и несмело. Наблюдать на экране – одно. Почувствовать наяву – другое.

Хотя, и я не был сейчас наставником. Наоборот, волнуясь, как неопытный мальчишка. Просто, боюсь сделать что-то, что «разобьет» эту хрустальную атмосферу желаний...

Но пока действует только она...

Именно Светланка мягко подталкивает меня к постели.

Она, действительно решила идти до конца...

Впрочем, почему до конца? Она решила прийти к началу. Началу своей взрослой жизни. И её отправной точкой она выбрала меня...

Парадокс. Я со своими сомнениями по поводу смерти, становлюсь отправной точкой чей-то жизни...

Кстати, надо быть осторожным, чтобы действительно не дать жизнь еще кому-то в прямом смысле этого слова.

Ну, если до этого вообще дойдет... Просто, несмотря на все больше поднимающееся желание, предохранители, которые позволят мне остановиться в любой момент, как только я почувствую её испуг, были наготове.

Она мне все же очень дорога, эта маленькая фея...

Светлячок ложится на свой раскрытый диванчик, вытянув одну ногу и подогнув другую. Руку мою она не отпускает – тянет к себе.

Голову её откинута в сторону...

На этом, её знания, что должна делать девушка в таких случаях, очевидно, заканчивались. И дальнейшую инициативу она передает мне.

Я не стал сразу ложиться рядом, а присаживаюсь на пол и губами ласкаю нежную кожу Светлячка.

Каждое прикосновение – словно глоток удивительного вина.

Я слышу её дыхание... Оно становилось все глубже...

Я прикасаюсь губами к её заветному месту... И Светланка отвечает вздохом, переходящим в легкий стон.

Каждая ласка делает воспоминания о вчерашнем вечере таким далеким, призрачным и нереальным.

Какая смерть, когда так много жизни?

Я впитываю будущее, выбрасывая темные предчувствия.

А Светлячок уже хочет большего... Ей становится мало просто ласк. Подсознание Женщины требует идти и идти вперед к вершине Полного наслаждения.

Она не говорит этого... Но я впитываю её образы желаний.

Я ложусь рядом с ней. И она наивно, немного угловато, но страстно начинает ласкать все мое тело, то путаясь в своих волосах, то прикасаясь к моему возбужденному члену.

Она и сам – как все усиливающийся ветер с моря, жаркий, обволакивающий и поднимающий волны все выше и выше.

Я могу делать, всё!

Но не тороплюсь.

Я хочу, чтобы неизбежная боль, пусть и сладостная, стала ей почти незаметной...

В тот момент, когда близость должна была свершиться, я разворачиваю Светлячка на бок, а сам оказался сзади.

Еще древние китайцы считали, что это самый комфортный способ девушке расстаться с её невинность. Поверим древним создателям философии любви!

Я очень осторожен.

И Светлана почувствовала лишь короткий момент боль.

Даже её: «Ой!» – звучит, как стон.

Но самое сложное – впереди.

Я хочу, чтобы ощущения от первых мгновений своего женского века у неё были только светлые.

Поэтому весь свой опыт – и практический (спасибо всем моим женщинам, что научили меня мужскому уму-разуму), и теоретический (восточные мудрецы много рассуждали о мироздании через отношения мужчины и женщины) – я стараюсь использовать в эти мгновения.

Она после секундного естественного страха от случившегося, с каждым моим движением все сильнее погружается в новый для себя мир наслаждений, которым наградила нас природа (уж не знаю, за что людям так повезло).

Я любовался её лицом, которое без тени фальши передавала все оттенки её чувств и ощущений, восторгался её стройной фигурой. Светлана ждала меня и доверилось мне. Слышу её дыхание и стоны, которые не сравнятся по красоте ни с одной, даже самой совершенной музыкой, придуманной самым великим композитором.

Мы меняли позы, словно азартные танцоры на удивительном подиуме. Это нужно, чтобы узнавать друг друга, проникать ощущениями друг в друга. В сплетении эмоции постепенно почувствовать какую-то удивительную энергию, появившуюся ниоткуда, но дающее такое удивительно ощущение красоты жизни, которое никак иначе получить невозможно...

Да, Светлана была еще неопытна в этом танце любви... Но как умная партнерша, она полностью доверяется мне, откликаясь на любой мой жест. Мы стремительно переходим с одного уровня наслаждения на другой, словно законы постепенного вхождения в мир наслаждения были писаны не для нас...

Я сделал все, чтобы она не чувствовала боли от только что потерянной невинности.

Но ей самой – все равно. Она хочет выпить чашу наслаждений – всю и сразу!!! Что там какая-то небольшая боль?! Какая невинность? Ей всё это совершенно безразлично!

Она уже стала юной женщиной с совершенно иным восприятием всего мира!

Но наслаждение длиться бесконечно не может...

И не должно.

Иначе оно превратится в суровую реальность.

Несмотря на восторг чувств, я себя контролирую. За момент до конечной точки нашей близости резкой выхожу из неё...

Финальную стадию близости мужчина она почувствовала на своей коже.

– А-а-а-а!!! – застонала она, почувствовав такие же заключительные ноты нашей удивительной мелодии первой близости...

Мы лежим неподвижно...

Невозможно вернуться в обычный мир из того, куда мы вместе в ней только что взлетели. Близость на то и близость, что сразу не отпускает.

Это же не банальный механически-физзарядочный секс!

Наконец, реальность начинает нами восприниматься, как реальность, а не нечто далекое и абстрактное...

– Ой, как много, – удивляется она, когда её рука попадает в лужицу на впадинке её живота... И смеётся... То ли от этого открытия. То ли просто от ощущения радости открытия нового мира, который отныне будет только её миром.

Она, не поворачиваясь, пошарила с другой стороны диванчика рукой и нащупав что-то из своей одежды сначала насухо вытирает себя, а потом осторожно то же самое делает и со мной

(ну там, где это было необходимо) ... Увидела пятнышки крови и почему-то снова радостно смеётся.

Потом, отбрасывает «полотенце», поворачивается ко мне, голову кладет на плечо и прижимается всем ставшим таким близким тельцем.

– Знаешь, – говорит она, словно доверяя страшную тайну, – ты у меня первый!!!!

Я улыбаюсь. Надеюсь, что моя улыбка показалась ей доброй, а не грустной.

Мне же становится пронзительно грустно от её слов...

«А ты у меня – последняя!» – говорю я про себя.

И в эту секунду из коридора тихо завыл Дворник!

Глава 6

Зачем думать, если сделал, и зачем делать, если не думать?

*Как это страшно, если может не наступить завтра.
Лева, 1 кл. «Дети пишут Богу»*

Нет, пеплом голову я себе не посыпаю. По голове у меня стучат жесткие струи душа. Я выкрутил краны на максимум. Каждая струйка – как раскаленный бич.

Ну, а я соответственно, как кающийся грешник нахожусь в облаке пара. Хотя серой в ванной не пахло. Наоборот – самым, что ни на есть тонким, французским парфюмом. Есть слабость, знаете ли, к изысканным запахам – никогда не мог себе отказать в этом удовольствии.

Серу, как знать, может, скоро почувствую... В другом качестве... в другом месте...

Опять мрачные мысли в голову полезли. Только со Светлячком забылся... Но вот снова... И холодок в животе сразу, несмотря на раскаленный душ.

Да уж, учудил. Может завтра пред создателем предстать придется. А тут еще один грех в жизни...

Но с другой стороны – а какой грех? Перед кем? Перед Богом?

Ну да, по возрасту Светлана еще совсем зеленая девчонка...

Но не по развитию. И физическому, и человеческому.

Разве Господь обозначил брачный возраст? Или Уголовный кодекс стал продолжением Библии?

Достаточно вспомнить разные библейские истории. Там девушки и помладше были вполне достойными невестами.

Посмотрим: я никаких клятв ни перед кем не нарушал. Со «своей» бывшей законной супругой разбежался давно и не по своей инициативе. Обещаний не забываю до сих пор, как бы там со мной не было – помогал, как минимум деньгами. Грех жаловаться.

С последней подружкой – давно не общаемся. Скажем так: не понравилось ей, что я с работы ушел на вольные хлеба. Вот такая «сексуальная» проблема объявилась.

Так что сегодняшняя история – не нарушает никаких обязательств.

Если не считать, что меня ревнители морали могут обвинить в педофилии. Хотя за что?

Нет, я, конечно, не оправдываю педофилию... Но это ведь, когда взрослый человек добивается путем обмана и насилия сексуального удовлетворения. Или хитростью ребенка склоняет к разврату.

Но давайте подумаем о разврате... Что есть разврат? Принуждение к удовольствию того, кто это не хочет.

Но если все происходит наоборот?

До сих пор помню то далекое утро. Конец мая. Последний звонок в школе уже отметили. Мы уже не учились. Десятый, выпускной заканчивал занятия раньше остальных на пять дней. Нам давали подготовиться к экзаменам. Тогда их было чуть ли не 8... Или даже 9. Но все равно, ощущение, что ты сам себе хозяин – и на эти дни, и вообще по жизни от школы, было великолепным. Тем более, утро было замечательным. Тепло! Юная зелень майских деревьев. И даже то, что надо было садиться за учебники, не огорчало сильно. Это я помню.

Как звали ту девчонку сейчас совершенно не важно. Она была – это главное! Но не помню, зачем я тогда пошел к ней. То есть, какой был повод не помню. Зачем – знал железно! Потому что без повода я не мог к ней пойти. Ходя дороги-то всего через четыре подъезда –

и на первый этаж. Не мог прийти, потому что она мне очень нравилась. Но я боялся показать это. В какой-то степени из-за застенчивости. Точнее, не хотел показаться слабым.

Она обрадовалась моему приходу. Хотя тоже старалась не показала этого. В те времена проявление чувств мы считали слабостью. А слабость показывать было не прилично.

Мы произнесли совершенно незначащие фразы. Потому что значимым было другое. Я понял, что она одна. Дома больше никого не было. И еще то, что она почувствовала, что я понял это. Мы оба ощутили запах... нет, не запах – вибрацию желания... Изначального, подсознательного. Она завела меня в свою комнатку и усадила на диван. Сама суетливо убежала за уже ничего не значащими учебниками... Она была самой необыкновенной девчонкой на свете в тот момент. И глаза у неё – разного цвета. Она стала первой, в которой я почувствовал женщину... Не ту игру в поцелуи и ощупывания, в которую мы играли, чтоб было, как у взрослых. А настоящую женщину к которой влечет подсознание...

Она встала в проеме двери. Я потом все время вспоминал эти секунды... На ней было легкое платье – на белом фоне мелкие голубые цветочки... Совсем коротенькое. Но это не существенно... Потому что свет из окна напротив «сняло» платье совершенно... Я видел её всю... Она была невысокой, да и бедра были, наверное, полноваты, если бы оценивал специалист с холодной головой. Но оценивало её тогда моё первое мужское желание. Оно кричало мне, что ничего более соблазнительного мне видеть не приходилось раньше.

Я видел её всю. Я чувствовал её всю... Хотя солнце светило мне в лицо, я все равно видел её глаза разного цвета. Один глаз зеленый с коричневыми крапинками, а другой совсем желтый...

И она понимала, что со мной творилось. Чувствовала... Ей такое внимание нравилось. Думаю, ощущала она примерно то же самое.

Я смотрел на неё... Но что делать дальше – не знал... А если и знал, то боялся неловкости.

Но и она не знала, как поступить. Ей хотелось показывать себя и дальше. Или закрыть дверцу. Она давала мне свободу действия. Я мог тогда сделать все. Но я не знал этого всего... То есть не знал, как это все сделать.

Я просто испугался, что сделаю что-то не так... Покажусь слабым. А она не знала, как мне помочь. И тоже не хотела быть слабой и смешной...

Тогда мне в голову пришел самый «лучший» выход: я встал, взял учебники и ушел.

Тогда, как потом оказалось, у нас был единственный шанс найти друг друга. Но именно этого шанса мы и испугались.

Так я впервые столкнулся с развратом убитого желания. Хотя понял это много позже. Просто те несколько секунд помимо моей воли все возвращались и возвращались в мою память...

Больше я не пытался пройти те недолгую дорогу до четвертого подъезда...

Разврат же сейчас – это лицемерие взрослых и хитрость юных. Ах, это нельзя смотреть, ох, об этом рано знать. О каких таких запретах и границах можно говорить, когда вокруг в уши и глаза лезет любая информация? Ну, зачем напрягаться, чтобы узнать о запретном? Достаточно войти в Сеть, пробуя найти самую невинную информацию, и вместе с ней получить пару прикрепленных сайтов с такими картинками, от которых наши дедушки и бабушки впали бы в свое время в тяжелую кому. Мировая индустрия игрушек миллионными тиражами печатает игрушки с повышенной сексуальностью своих героев?

Чтобы посмотреть сайты с фильмами, картинками и рассказами о самом интимном паспорте не спрашивают. А игрушки покупают своим чадам заботливые мамы с папами.

Разврат ли это по сути? Душу ведь разрушают не картинки, а искривленные чувства. В конце концов, если нам каждый день раз по двадцать и по телевизору, и в кино показывают, как людей лишают жизни, почему бы один раз не посмотреть, как её делают...

Главное, научиться ощущать и ценить тепло, доброту и заботу. Вот когда пусть маленького, но человека, личность лишают этого – вот это форменный разврат. Но за это не наказывают.

Сегодня, как бы это странно для кого-то не прозвучало, я попытался больше отдать этой девочке, чем взять...

Она хотела того, что между нами произошло... стремилась к этому. Это не было минутной слабостью. Так у неё сложилось уже давно в голове.

Но у меня все было с точностью до-наоборот. Я даже сопротивлялся своему влечению... Может внешне это и не было заметно. Но внутренняя борьба была.

Все просто. Пришло время – она влюбилась. Так лучше сделать первый шаг с опытным мужчиной, который позаботится о том, чтобы ничего плохого не произошло, чем с каким-нибудь прыщавым одноклассником, для которого каждая встреча с девушкой – просто ступенька для самоутверждения.

И потом, Светланка мне, действительно, нравится. Как человек, и, чего скрывать, как женщина. Давно я не испытывал таких светлых «акварельных» ощущений! Да, ей мало лет... Но меня же не метрика её волнует...

Не надо забывать, что для меня все происшедшее – красивое завершение мужской карьеры! И ей будет, о чем вспомнить!

...Вдруг мне стало холодно под раскаленным душем...

А если вчерашнее пророчество просто ночной бред? Завтра я снова вскачу со своего дивана, как свежий хрустящий огурчик! Что будет с нашими отношениями?

То, что для Светланки это не просто развлечение – в воду не глядеть. Девчонки в этом возрасте – собственницы еще те. Кто, к примеру, ей мешает в сердцах ляпнуть родителям во время какой-нибудь ссоры, что она не маленькая уже потому, что...?

Да и без этого, постоянные встречи, знаки внимания, сложно будет скрыть соседям по подъезду.

И не скажешь: «Как честный человек, я женюсь!» До этих слов еще два без малого года ждать надо. Это в эпоху перестройки вдруг во Владимирской губернии разрешили браки с 14 лет. Сейчас – все вернулось на круги своя...

Ладно, как говаривал один мой приятель, патологоанатом – вскрытие покажет! Удачная шутка в моем положении. Причем, вдвойне!

Чтобы окончательно не свариться, закрываю воду.

Насухо вытершись своим любимым, хотя уже немного стертым, но все таким же, как и в первый день, нежным, полотенцем, я выхожу из ванной.

Без Дворника в квартире было необыкновенно тихо.

Своего пса я оставил Светланке. Она, правда, хотела, чтобы и я задержался («Мои родители все равно сегодня поздно придут. Подружкам я что-нибудь навру, и не пойду с ними в кино!»). Я бы и остался, куда мне торопиться в обычный день?

Но то-то и оно, что этот день для меня не обычный!

Точнее – будет. Хотя...

Эту мысль снова прервал звонок.

Глава 7

Не найти дорогу к Богу, когда не знаешь пути в храм!

*Вчера в школе объявили, что Ты есть. Здравствуй.
Леня, 3 кл. «Дети пишут Богу»*

Редко я ходил в церковь, чего скрывать.

А если и ходил, то, в основном, как турист. Бывал даже несколько раз в монастырях. Случайно на экскурсию попал. Оказывается, каждый монастырь – это свой мир, своя атмосфера, своя аура.

Раньше по своей наивности я монастырские порядки представлял больше, как армейско-казарменные. И черно-белые проблемы. Словно в «Андрее Рублеве» Тарковского.

Оказалось, в монастырской жизни, да и в церковной, много цветов и оттенков. Люди находящиеся там – очень разные.

К Богу я отношусь с уважением. К Православной церкви тоже, что бы там о ней не говорили новоявленные богоборцы.

Но сам я, скорее, человек православной культуры, чем верующий.

Сказать, чтобы я соблюдал духовные праздники, требования... Нет. Я далек от этого.

В церкви появлялся от случая к случаю... Как правило, по событиям, когда радостным, когда печальным...

А сейчас вдруг потянуло просто пойти туда.

Вышел из душа, позавтракал. Все как на автомате. Увидел миску Дворника. Стало щемящее грустно – вдруг уже не придется увидеть своего несуразного пса.

И вдруг понял, что тороплюсь. Тороплюсь... в церковь...

Обычно, в последнее время, как сам стал распоряжаться своим временем, после завтрака садился за компьютер.

(– Вы часто заходите в Интернет?

– Что вы. Я в Сеть не захожу... Я в ней живу)

Это про меня! Как-то так получилось, что с монитором после ухода с работы я общался больше, чем с реальными людьми. Каждый день, уже на автомате, проходя на кухню готовить кофе, я включал комп. Пока завтракал, приводил себя в порядок – все загружалось. И, садясь в свое старое потертое старенькое «программёрское» кресло с отчаянно скрипящими колесиками, сразу подключался к Сети, включал нужные программы, и запускал Оперу с готовыми вкладками.

Сегодня же – просто забыл про комп. А вот в церковь захотел пойти.

Хотя желание это появилось не на пустом месте. Ощущение необходимости сходить в храм возникло после звонка мобильного.

Хотя звонок никак не был связан с духовным миром. Это была та самая женщины из отдела кадров солидной фирмы, куда меня пригласили утром. Ольга... как её там по отчеству... что-то экзотическое... а, вспомнил: Бронеславовна!

Я удивился такому вниманию. Даже почувствовал гордость от самосознания своей значимости. Ольга Брониславовна извинилась, что еще раз беспокоит. И очень попросила появиться на их фирме все же сегодня, потому что ситуация складывается так, что завтра возникнут сложности со встречей у неё.

Не знаю, то ли неожиданная просьба, то ли то, что мной так заинтересовались, то ли её неожиданно просящий тон подействовал на меня, но я согласился приехать на собеседование.

Был и еще один момент – мне снова показалось, что у моей собеседницы очень знакомый голос. Но вот, где я его слышал, опять не смог вспомнить.

И вот после разговора, я вдруг ощутил, что хочу пойти в церковь. Какая связь – понять так и смог!

Взяв всю наличность (всю до копейки – а что её жалеть?), свою банковскую карточку, там тоже какая-то денежка осталась, я набросил куртку, влез в сапоги и вдруг понимаю, что надо бы костюм надеть, и при галстуке... Так во всяком случае, рекомендуют ходить к потенциальным работодателям опытные рекрутеры.

Но чтобы обрядиться в костюм... надо его погладить... рубашку тоже... кучу времени на это тратить?!

Может, ну его, это собеседование? ... Хотя, раз согласился на встречу, надо слово держать! Фирма всё-таки солидная.

С другой стороны, это я им нужен. Значит, в джинсах примут. Тем более, они у меня вполне приличные. Почти новые. Мне нравятся. И не надо тратить время на глажку!

Подумал, стоит ли брать свою сумку. Но понимаю, что без неё буду чувствовать себя неуютно. Надо на всякий случай взять чтиво. Может, «Божественную комедию» Данте?

Но потом решил ерундой не заниматься, книжка-то не тоненькая, и сую какой-то старый, но еще не читанный журнал. «Вокруг света». Познавательное, но совершенно бесполезное чтиво. Как раз для транспорта...

Выхожу на улицу. Погода изменилась. Поднялся неприятный холодный ветер. В лицо летят намокшие желтые листья. Они хлещут меня по лицу, по щекам, словно хотят привести в чувство, говоря: «Ты о чем думаешь? Приди в себя! Жизнь продолжается. Даже если погода – полное дерьмо!».

Мне же лезут в голову снова какие-то невеселые мысли. Может, навеянные теми самыми опавшими листьями.

Мысли, все о том же. О смерти.

Мы, почему, стараемся не видеть её. А я только что понял, что она нас окружает почти на каждом шагу. Вот валяется голубь, а точнее все, что от него осталось после того, как его настигла местная бродячая кошка.

На дороге – раздавленная крыса. Переехал бедолагу какой-то грузовик, и никому никакого дела нет, что жизнь прервалась. Пусть и крысиная. Так все равно же – жизнь. Умиряющая трава. Умиряющие деревья.

На похоронную процессию, что поехала в сторону крематория тоже никто внимания не обратил. Обыденное дело. Мало ли таких автобусов?

Все живут жизнью. Жизнью, где смерти нет.

И я так жил. До вчерашней полуночи.

Сегодня стал жить смертью.

Хотя, как выяснилось, что жизнь, пропущенная через фильтр смерти, временами становится даже свежее. И начинаешь своё бытие ощущать острее.

Смерти я тоже начинаю воспринимать иначе, чем это было до того.

Вот сейчас я понял, как обычно воспринимает человек смерть.

Первая стадия жизни – это абстрактно-теоретическая возможность окончания жизни. То есть ты осознаешь, что, в принципе, смерть есть. И это страшно! Но для тебя это настолько отдаленная перспектива, что и думать об этом не имеет смысла. Нет, и страх есть, и жуть иногда пробирает. Конечно, она пугает, как все очень незнакомое, страшное, хотя очень далекое от тебя. Как правило, это происходит в совсем зеленом возрасте. В этот момент человек, даже сталкиваясь с тем, что, кто-то утрачивает свою жизнь, к себе напрямую не относит это событие. Правда, если ушедший человек не был очень близок тебе.

В противном случае, человек переходит на вторую стадию. Констатирующую. Ты понимаешь, что смерть-то в принципе есть. И она уже в тебя поселяется, приобретая конкретные очертания и ощущения, через ушедшего близкого человека. Точнее эмоции, когда осознаёшь, что его уже нет и никогда не будет! Но все равно – от тебя реальная твоя личная смерть очень далека. Даже если рядом с тобой погибают люди, или ты получаешь известие, что человек, с которым ты только что общался, попал под машину, осознания того, что это уже твое – нет. Наоборот. Это их! Но ты-то все равно будешь жить долго. Всегда! Хотя того страха, что был на предыдущей стадии уже нет. Более того, временами хочется даже поиграть с ней, подразнить. Я, например, в одном доме видел целый альбом, где семья снималась... вместе с покойником. Никаких психологических отклонений. Просто покойник лежал в гробу. А живые домочадцы окружают усопшего. На следующей – уже один из тех, кто стоял у того гроба, сам оказывался в центре фотографии уже внутри домовины. Так – целый альбом. Каждый раз один из домочадцев попадал на центральное место коллективного портрета как главный герой композиции. Жуть!

А люди гордились своей традицией. Гостям показывали этот семейный альбом! Потом я узнал, откуда появилась такая нетривиальная коллекция семейных фотографий.

Во всяком случае, в России. Она начала появляться в столице Империи в XIX веке. Возникла мода среди небогатого купечества, обеспеченных мастеровых и разночинцев включать одной из статей расходов на похороны – фотографирование умершего. В те времена запечатлеть человека на память было достаточно дорого, поэтому зачастую посмертная фотография была единственной возможностью оставить память о человеке. Потом эта традицию подхватили и в других местах. С распространением и удешевлением фотодела эта странная традиция превратилась в экзотику. Но не умерла. В тридцатые годы уже 20 века об этом вспомнили советские служащие из привлеченных по партийно-комсомольской линии из крестьянской среды. Ну и закрепилось... У некоторых даже до наших дней!

Вот что я заметил в семье моих знакомых: у тех, кто постарше, взгляд был совсем иной, чем у молодняка. Словно они понимали, что теперь смерть – это уже их часть бытия, она идет с ними след в след. Жизненный путь практически конечен. Но ты оттягиваешь эту черту – и люфт есть. Чем человек сильнее, тем на большем расстоянии держишь эту последнюю ленточку финиша. Даже, если что-то и происходит, то это, скорее, те, кто со своей смертью столкнулся случайно. Он её не звал.

Наконец, последняя стадия. Когда смерть становится... подругой. И тогда человек со смертью живет, как с членом семьи. Просыпаясь, удивляется, что она еще не пришла. Это уже старость. Но старость не по возрасту – по сознанию.

Какая стадия у меня? Вот сейчас, в этот момент? Мне удалось стать стариком в одночасье?

Идя по ставшей совсем неприветливой улице, я понимал, что с каждым шагом этот мир становится все более и более чужим.

Словно кто-то выталкивает меня из бытия...

Или, наоборот, это я этому миру становлюсь чужим

Не нужна моя жизнь этим сырым и серым домам. Не нужна – озлобленным от своей осенней обнаженности деревьям. На меня не надеялись уже увядшие листья. Проезжали мимо совсем чужие трамваи...

Почему-то трамваи расстроили меня больше всего.

Может, потому что с детства любил эти грохочущие и неторопливые коробки с разноцветными фонарями на крыше, похожие на смешных жирафов. Были они какими-то очень московскими. Сейчас их заменили на безликие, с претензией на современный дизайн, вагоны. Дизайн, если присмотреться, может и проглядывается пунктиром, а вот того духа моего города

не осталось... И той немного неуклюжей заботливости нет... Может потому трамваи стали новой Москве совсем не нужны?

Так, со спутанными и растрепанными мыслями, я дошел до церкви.

Это был совсем недавно построенный храм. Говорят, его казаки поставили. Но достоверно не знаю, так ли это или нет. Просто не интересовался. Ни к чему. Сейчас тем более – не за чем.

Перед входом не очень ловко перекрестился. Правда, сначала пришлось вспомнить, а как это сделать правильно, и даже, какой рукой. Но рядом подошла старушка, и я подсмотрел, как все делает она. Перекрестясь и поклонившись, я вспомнил, что, выходя из дома, не надел крестик.

Есть у меня дома небольшой красивый серебряный крестик. Как-то поехал на встречу с клиентами, и не рассчитал время – появился раньше. А там, рядом, был восстановленный монастырь. И чтоб скоротать время, я зашел в ворота обители.

Это оказалось удивительное место. Совершенно неожиданная архитектура. Рядом с величественным храмом, который, правда, наполовину был скрыт лесами, примостилась небольшая церквушка, словно составленная из детских кубиков. Выкрашена она была в веселенький желтый цвет. Рядом с монашескими покоем цвели крупные и холеные розы всех мыслимых цветов. Справа в небольшом пруду плавала пара черных и несколько белых лебедей. Между ними суетливо носились сытые утки. Из самого пруда время от времени выпрыгивала крупная рыба, чтобы на лету поймать какую-то мошку. Окружен он был развесистыми ивами и густыми толстыми деревьями. Вдоль берега тянулась дорожка, мощенная цветной плиткой. Стояли красивые старомодные скамейки. Мама с малышами, очевидно из соседних с монастырем домов прогуливались по дорожкам. Паломницы-богомолки устроились на лавочках, а по дорожкам время от времени проходили достаточно молодые монахи, озабоченные какими-то своими делами.

Было там разлито такое спокойствие и умиротворение, что вся моя суета и напряжение перед переговорами прошли сами по себе... Настроение стало совсем иным. И вот, уже уходя из монастыря, я купил небольшой, но изящно сделанный, серебряный крестик с чернением. Освещенный настоятелем, как мне сказала женщина, которая подобрала его для меня.

Даже носил его некоторое время. Но потом порвалась цепочка. Починить или заменить её – руки не дошли.

Надо было конечно сегодня надеть его. Хоть на веревочке...

Но ...не возвращаться же.

В храме было обыденно-торжественно. Именно так – и обыденно, и торжественно.

Торжественно – это ощущение всегда возникает в православных храмах церквях или часовенках. Не знаю почему, но в душе появлялось именно такое ощущение. И не важно, расписан храм Андреем Рублевым, как во Владимире, или нынешними иконописцами из соседнего монастыря. Помню, в Новочеркасск попал в храм войска Донского. Так там у всех святых такие залихватские чубы просматривались... Но что бы не было в иконах и росписях, почему-то сама атмосфера за душу берет. Вот у католиков в самых, что ни на есть знаменитых храмах бывал (где бывал) – там все через глаза. А у нас – глаза не самое важное... только проводник. Как-то через душу идет... Сейчас такое же ощущение возникло.

Но справа стояли отгороженные плотной сеткой ремонтные леса. И оттуда доносился сдержанный шум работ. Это и была та самая обыденность. Хотя эта обыденность только подчеркивала торжественную душевность уже сделанной части церкви.

Народу в храме было не много. Несколько богомольных старушек, для которых церковь уже давно стала родным домом. Они что-то вытирали, собирали обгоревшие свечки и строго следили за входящими – все требования соблюдаются: покрыта ли голова у женщин, и, наоборот, снята ли шапка у мужчин.

Несколько женщин и мужчин среднего возраста. Ну, эти явно из любопытства. Хотя свечки уже купили и были готовы их зажечь и поставить. Возле одного оклада женщина в темном платке истово молилась. Она не произносила не звука, только губы едва шевелились, но посмотрев на неё ты словно слышал крик...

В центре священник совсем тихо разговаривал с парочкой явно деловых людей. Судя по всему, разговор был совершенно светским, по вполне земным проблемам.

Честно говоря, я боялся, что в церкви увижу покойников.

Как-то в провинции зашел в церковь, а там, у алтаря, на козлах, одиноко, словно кем-то забытые, были поставлены два гроба с преставившимися. Никого рядом с ними не стоял, и это делало эту картину еще более мрачной...

Но, то ли этот обычай отменили, то ли к тому времени, как я пришел, всех уже отпели и отвезли, но никаких похоронных процессий здесь не было.

Я неторопливо оглянулся, подошел к церковной лавке. Женщина в темно-серой одежде и темном платке негромко спросила:

– Здравствуйте! Что бы вы хотели?

Что бы я хотел? Жить бы я хотел. И чтобы в голову не лезли всякие мрачные мысли. Но лекарства от этого даже в церкви не купишь.

Я вежливо улыбаюсь и беру три свечки среднего размера. Почему три? Не знаю. Так показалось, что нужно именно три.

А вот что дальше делать, я, честно говоря, не знаю. Наверное, стоило бы помолиться. Но как молиться, когда не знаешь слов.

Я прошел по церкви, мимо горящих свечей, мимо икон с изображением неведомых мне святых в окладах. Попытался что-то прочесть на табличках, прикрепленных рядом с окладами, но написаны они были на старославянском. Ничего не понял.

Охватила меня досада и печаль. Вот словно нащупал, что надо делать. И где это делать. А как не знаю...

И ускользает этот шанс что-то изменить, может быть, последний шанс...

– Добрый день! – сзади раздался негромкий приятный голос. Я обернулся.

Ко мне подошел тот самый священник, который совсем недавно беседовал с деловой парочкой.

– Здравствуйте, – тихо отвечаю я.

– Вы извините, что я к вам подошел. Но мне показалось, что у вас возникли какие-то трудности.

Трудности... Разумеется, трудности. Меньше, чем за сутки такого происходило...

Конечно, по уличному обычаю можно было бы не грубо, но твердо послать излишне любопытного человека.

Только не в этом случае: передо мной все-таки был не совсем простой человек, а лицо, имеющее духовный сан. И, потом, не он ко мне пришел в дом, а, как не поворачивай, я к нему.

– А у кого их сейчас нет? – не слишком тактично отвечаю я вопросом на вопрос (не еврей, я не еврей, просто ничего лучшего в той ситуации не нашел, как ответить именно так!).

Был и еще один момент: этот священник располагал к себе. Он был чуть ниже меня, примерно метр семьдесят пять, даже под рясой заметно, что хорошо сложен. Тонкие «думающие» черты лица, к которому очень шла аккуратная бородка в стиле физиков 60-х. Ну, собственно, по возрасту, он сам родом именно из тех лет. То, что был он уже не мальчиком, тоже располагало. Но главное – глаза. Взгляд у него был внимательным, словно проникающим, к тебе в душу, но проникающим мягко, без насилия над твоим собственным Я.

– Да вы знаете, не со всякими проблемами человек в храм идет. Тем более, человек не воцерковленный, – и здесь, словно убоявшись, что я не пойму последнего слова, пояснил, – то

есть не слишком соблюдающий необходимые для верующего действия. В храме появляющийся не часто...

– Вы правы... – соглашаюсь я.

– Нет, если вы не хотите говорить, извините, за мою навязчивость...

– Да что вы, – я вдруг почувствовал, что не хочу, чтобы этот человек уходил. Нет желания излить, все накопившееся за прошедшие часы не появилось. Я никогда не исповедовался, и не тянет. Хотя, наверное, при моем раскладе – и не помешало бы... Но это по традиции. Внутреннего убеждения я так и ощутил. Но и желания, чтобы этот приятный человек ушел тоже. – Это вы извините меня за бестактность. Просто боюсь оторвать вас от насущных дел.

Он слегка улыбнулся, но едва-едва, словно боялся обидеть такой реакцией на мои слова. И ответил серьезно, хотя при желании можно было почувствовать хотя и доброжелательную, но иронию:

– Мои насущные дела – это людские заботы. Вот остальные, – он оглядывается в сторону строительных лесов, – это просто житейская необходимость...

– Куда без неё, – поддерживаю я, не совсем зная, а что говорить дальше. Если он сейчас спросит, «Что ж, мил человек, с тобой случилось?» – придется уйти. Не люблю подобных вопросов. Даже от духовных лиц.

– Меня зовут отец Иоан, – представляется он, но потом, словно заметив некоторое мое смущение, добавляет, – но, если вам сложно, можете называть меня Василий Петрович.

Я действительно был в растерянности. Называть своего ровесника «отцом» я как-то готов не был. Но и в храме священника – по имени – отчеству, верх бестактности. Чай, не нехристь какой.

Ладно, по ходу определяю.

– Олег..., – начинаю представляться и я, но в тот момент, когда собираюсь произнести отчество, замялся, и решил, что в данном случае, оно будет лишним. Георгиевич – здесь как-то слишком официально. Не на переговорах же...

– Очень приятно! Вы не знаете, что делать со свечками? – он не стал пытаться меня прямыми вопросами. Тем более, я действительно забыл про свечки. Просто машинально вертел их в руках. Они уже и подтаивать начали.

– Ну, кроме того, что их надо зажечь и поставить – действительно, не знаю, – признаюсь я.

– Тогда не торопитесь. Но зачем-то вы их взяли...

– Так принято.

– Но это же не почетная обязанность. Вас, надеюсь, никто не заставлял.

– Конечно, нет...

– И пришли вы в храм не только отметить свечкой, как галочкой, по модному нынешнему поверию.

Здесь мне захотелось приоткрыть рольставни на своей душе.

– Да нет, не по моде... – грустно признаюсь я. – Как-то само-собой получилось.

– Само-собой – это означает, что у вас внутренняя потребность появилась в храм прийти. Жизнь, наверное, загнала в такой угол, когда никакие рационально-прагматические схемы не помогают найти выход?

– Вы очень близки к истине, – соглашаюсь я. – Только, боюсь, что не готов я к исповеди.

– Вы не бойтесь, потому что, действительно, к исповеди надо готовиться. В себе разобраться, Бога почувствовать. Иначе кому вы будете свои проблемы открывать и прощение за неправомерные поступки испрашивать?

– Да, вы правы...

– Дело не в том, прав я или нет, – замечает отец Иоан. – Главное, чтобы вы правоту смогли найти. И свою душу...

– Душу, – удивился я, может мой собеседник оговорился...

– Именно, – подтверждает он. – Как вы, полагаете, а что такое душа? И не вообще, а именно у вас?

Я растерялся... Вопрос-то вроде простой, а как ответить, сформулировать... Он продолжал:

– Для себя ответьте. Она у вас есть?

– Надеюсь, что да! А что есть люди, у которых её нет?

– Таких нет. Я не о том. Что есть душа для вас? Можно сто раз говорить халва, но станет ли от этого слаще во рту? Я, действительно, думаю, что вам самому надо понять, что есть для вас душа – различные биохимические процессы? Или скрытый орган, что-то наподобие печени, только медиками не замечаемый? Может, что-то еще? Что вы внутри ощущаете, когда произносите это слово? ... Ведь, любое слово материально, а не просто сотрясение воздуха...

– Не простые вопросы вы задаете, – попытался пошутить я. Но мой собеседник оставался серьезным, и тон – мягко-доверительным.

– Это не я задаю вам вопросы. Это вы не можете ответ на них найти.

– Не могу, – раздумчиво произношу я, и тут же, не удержавшись, задаю еще вопрос. – Но говоря о душе, сразу же возникает вопрос о грехе. Кто в нашей жизни грешник, кто праведник?

Вот здесь отец Иоанн позволяет немного улыбнуться.

– Олег, вы, очевидно, в свое время были неплохим студентом. Сразу хотите на вопрос получить схему, формулы методы. Я, конечно, могу вам объяснить с точки зрения современных православных позиций эти понятия... Но не буду этого делать. Вы тот человек, у которого вера, истинная вера, начинается с вопросов к самому себе. Но и ответы надо начать искать самому. А уже потом приводить их в соответствие с церковными догмами. Да не покажется вам банальной фраза – у каждого свой путь к Богу.

– И смертный час тоже, – почему-то произношу я то, что говорить не хотел. – Наверное, вы правы. Путь нужен свой. А вдруг не получится? Вот поеду сейчас на метро – а там взрыв, или еще что-то страшное. В нашей жизни опасностей хватает. Что тогда? Не будет пути, не будет надежд?

Отец Ион очень внимательно посмотрел на меня, словно почувствовал, что это именно то из-за чего я и пришел в церковь.

– ...К смертному часу надо быть готовым.

– Готовым? Но вы же не знаете, что будет там... достоверно.

– Не знаем. Но верим. Потому что внутренне убеждение, наш душевный мир дает нам эту веру. Человек приходит к этой вере сам. Чтобы для вас было проще: вера – это убежденная надежда, которая предопределяет всё мировоззрение и поступки человека, исходящие из неё. Но думаю, это уже следующий шаг. Вы же пришли в Храм не из школьного любопытства...

– А может, мне причаститься? – я спрашиваю не потому, что продумывал вопросы. Я спрашиваю, потому чувствую, что хочу именно это узнать.

– Хорошо, причаститься можно. Но только чтобы вам покаяться, прежде всего, надо в себе разобраться. Причащение – не ответ на заданный урок. Я не учитель, чтобы, как оценку за правильный ответ, вам отпущение грехов дать. Повторюсь. Сначала вы должны почувствовать свою душу и сами навести там порядок. Вот это самое главное причащение. А я уже помогу вам справиться с накопившимся балластом неправедных поступков.

– Что наподобие очищения организма от шлаков путем жесткой диеты?

– Ну, что-то отдаленно напоминает, если вам так легче воспринять. Главное, чтобы вы в душе очищение начали. Поэтому «причащение» – так созвучно чистоте.

– Спасибо вам, – говорю я, и потом совершенно без напряжения, обращаюсь к нему называя не мирское, а церковное имя, – отец Иоанн. Мне неудобно, что я отнял у вас так много времени.

– Скажем так – работа моя такая, – улыбаясь, отвечает он.

– Последняя просьба, раз уж вы вначале спросили о свечках, может подскажите, как все правильно сделать?

– Олег, свеча это символ жертвы нашей Богу, ниточка, которая поможет связать вас с Всевышним. Поэтому мало просто её зажечь и поставить. Надо прочитать молитву. Сделать это у иконы своего святого, который станет проводником к Богу.

Мне стало не по себе:

– Но я не знаю молитв, – признаюсь я. – И не знаю, к какому святому обращаться.

– Вы для начала просто попробуйте сказать Богу те слова, которые вы хотите сказать, но не можете, потому что нет такого человека на Земле, которому вы смогли бы их доверить. А со святым, давайте я вам помогу...

Он подвел меня к лику святого. Я не стал спрашивать, чей это лик, и почему именно сюда мне надо было подойти. Просто всматриваюсь в лицо молодого мужчины, словно передо мной был живой человек. И даже не замечаю, как отец Иоанн отошел.

Разумеется, иконы я и раньше видел. И в Третьяковке к Троице Рублева подходил. Но тогда мы вслед за бойкой экскурсоводшей смотрели на особенности письма Великого мастера, замечали особенности фона, своеобразие света и прочее, прочее, прочее...

Сейчас не было рассмотрения иконы, у которой я стоял. Это было созерцание. Я вдруг понял, чем икона отличается от картины. Обычный художник пытается выразить себя через полотно. Получается или нет – это зависит от таланта живописца. Даже портрет – это результат виденья мастера.

Иконы же, православные иконы, это попытка передать земным людям часть общего духовного, что от человека воплощающего это в рисунке зависит в меньшей степени. Поэтому в иконописи так строги каноны.

Потом родилась молитва...

Моя первая в жизни молитва...

Она странно возникла. Сначала я вглядывался в лик святого, и ничего не возникало у меня внутри. И я уже было испугался: а может и нет у меня души, о который говорил отец Иоанн. Поэтому и не возникает никакого желания молиться. И вдруг в какой-то момент мне показалось, что я ощутил нечто незнакомое, ранее не испытанное, но то, что может дать умиротворение моему раздраю в голове после всего свалившегося на меня...

После этого как-то сразу, вдруг появилось очень много слов. Это были не фразы, а какие-то обрывки фраз – словно ключья чувств и эмоций. И я произносил только одно:

«Боже, всемилостыевийший, прости меня, грешного и неправильного. Много я сделал не то и не так. Но я очень хочу жить. Я очень не хочу умирать... Боже, услышь меня...».

И через какое-то время, я даже и не понял, сколько прошло, вдруг почувствовал какое – странное облегчение. Может, действительно услышал?

Я, перекрестившись, пошел к выходу.

Прав отец Иоанн, надо искать свою душу.

А смерть сама меня найдет, если так суждено...

Глава 8

Тяжело себя найти в прошлом, тем более, когда тебя уже там нет!

Смерть – это единственно возможный способ познания жизни.
Гилберт Честертон

Ау, душа, ты где???

Но нет ответа... Тихо все вокруг. Вот шум уличный есть, чьи-то разговоры – слышны. А вот душа – никаких звуков не издает. Своего присутствия никак не обозначает.

Хоть пиши объявления и развешивай на столбах:

«Потерялась душа. Вроде не такая уж и плохая. Возрастом – чуть больше четырех десятков лет. Особые приметы – всякие шрамы, есть еще не зарубцевавшиеся... Приучена к дому...» – или нет – «к телу... Нашедшего прошу вернуть за вознаграждение» ... Далее телефон...

Интересно, а если, действительно повесить, откликнется кто-нибудь?

Хотя, надо себе признаться: я просто был в растерянности после разговора в церкви. Сказано все правильно, и легче стало как-то. С другой стороны, что конкретно делать? Знания приходят с опытом. Но вот опыта не то, что умирать, а конкретно ждать минуты собственной смерти мне как-то не приходилось.

Совсем недавно, что-то похожее было у моего друга. После долгого молчания (лет пять не меньше) он вдруг позвонил ни свет ни заря. Я даже сразу его не узнал – голос был слабым и хриплым, как будто он сразу прибавил несколько десятков лет.

Мы с ним не ругались и не подводили друг друга. Вдруг просто как-то неожиданно общение сошло на ноль. Такое бывает. Особенно, когда человек вдруг переходит на новый уровень в своем самосознании. С ним, наверное, произошло что-то похожее прошло. В карьере у него случился резкий скачек вверх, в газетах вышло несколько интервью. Даже на деловом канале – выступил как эксперт. Тогда он занимался всякими мобильными технологиями...

Только тогда вместо бодрого тона преуспевающего менеджера я услышал в трубке голос придавленного годами и неудачами старика... Даже было порадовался, что не стер из адресной книги его страничку и мне не пришлось переспрашивать, кто это говорит – на экране телефона высветилось имя...

Оказалось, что не так давно он перенес тяжелый инфаркт. Выжить то – выжил. Но получил кучу осложнений. Правда, после лечения в хорошей больнице было улучшение, но вот днями опять стало хуже...

Доктора сказали, что ему снова надо ложиться в стационар. Но, как это сейчас стало принято, ничего скрывать от него не стали и честно пообещали жизни не более двух – трех месяцев. Я, конечно, стал его успокаивать, говорить, что он достаточно молод, что все врачи, вне зависимости от квалификации – козлы, и веры им не много, они лучше разбираются в своих таблетках и ампулах, чем в человеке... В общем, говорил все, что обычно может сказать здоровый человек, своему больному собеседнику.

Но он меня, казалось, и не слушал. Он рассказывал о своих ощущениях и, действительно, как старик жаловался на болячки.

Еще жаловался на работодателя (владельцем новой фирмы, где мой приятель директорствовал, был лощенный иностранец), который только узнав о сложной ситуации своего нанятого руководителя, сразу же уволил его, даже не удостоив беседы. Просто уведомил через своих шестерок.

И много еще на что жаловался.

Говорили мы с ним минут сорок. Только в конце мой друг сказал, что звонит он с тем, чтобы, если (причем «если» прозвучало, как «когда») с ним произойдет непоправимое, я помог его жене разобрать архив, и посмотреть, что еще можно использовать. Дело в том, что когда-то в 90-е мы с ним много проектов нагенерили...

Договорились, что я приеду к нему в больницу и мы все обсудим...

На следующее утро он умер. Его жена, а точнее вдова, так меня и не позвала разбирать бумаги, очевидно, посчитав, что все это лишние хлопоты. А я и не настаивал... Понятно, что позвонил он мне тогда совершенно не из-за проектов. Ему, как вдруг выяснилось, в последние часы существования на Земле, и поговорить было не с кем. Вот обо мне и вспомнил.

Но в том случае все было понятно. Само состояние человека подсказывало, что счет земного времени у него закончился. А представим, что я сейчас позвоню кому-нибудь из приятелей и скажу, что завтра могу помереть. Почему? Ко мне смерть заходила, и мы с ней договорились еще на денек.

Боюсь, что утешать меня если буду, то из-за страшного повреждения психики.

Вот даже священнику не решился сказать... Буду честен перед собой: постеснялся. Побоялся, что и он примет меня за человека тяжело неадекватного!

Стесняюсь собственной смерти. Да, безнадёга...

Но правильно в народе говорят: когда дела совсем швах, надо идти к маме...

– Аллю... Привет, ма...

– ...Да не забываю, не забываю тебя...

– ...А самой позвонить?

– ...Ладно, не ворчи... Вот, чтобы ты не ругалась на меня – я сейчас загляну к тебе!

– ...Что значит не надо. А кто сейчас говорил, что забывают её???

– ...Зачем готовить? Меня кормить не надо...

– ...Ма, не надо супчика и котлет. Я утром их не ем. Чай есть?

– ...Ну, вот и завари чай, а я печенье куплю...

– ...Хорошо, хорошо, печенье тоже твоё... Только когда будешь заваривать чай, бросай не две чайники, а хотя бы четыре, ты же знаешь, что я люблю крепкий чай, а не эту обычную твою едва желтенькую...

– ...Все, все... Договорились, минут через сорок и не раньше!!!! А потом спрашиваешь, в кого я такой зануда уродился...

У нас с мамой принято иронично общаться друг с другом. Может, потому что с детства как-то не приучен ко всяким сю-сю и тю-тю. Но отношения от этого хуже не становятся. Наоборот.

Итак, у меня, пока она будет что-то готовить – без этого никак, есть минут сорок. Десять – на дорогу. Она совсем недалеко от меня живет, а на маршрутке – так совсем рукой подать.

Тут я понимаю, куда я хочу в оставшиеся полчаса пойти.

Я хочу пойти в детство... А детство сегодня начнется со школы.

Чтоб не терять времени даром, поднимаю руку, и тут же меня подхватила машина. Понятно дело, не такси. На такси в середине нулевых годов такие расценки, что каждый его клиент может почувствовать себя олигархом на время в пути и, особенно, в момент расчета. По мне, проще было бы нанять вертолет за эти деньги, если бы над Москвой разрешали полеты.

Поэтому, я сажусь в вишневую шестерку, которая, кажется, еще помнила те времена, когда эта модель котировалась по престижности не ниже нынешних «мерсов» и БМВ. За рулем сидит типичный московский таксист-неформал – ну очень полный грузин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.